

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

САМПО

Сборник карело-финских рун

Статья, перевод
и комментарий
Виктора Евсеева

Общая редакция
Ф. Егорова.

К. 142393

ГОСИЗДАТ ~~КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР~~
ПЕТРОЗАВОДСК * 1940

КАРЕЛО-ФИНСКИЕ РУНЫ.

История народного героического эпоса уходит в глубокую древность. Последующие поколения воспринимали эпос, переосмыслили, развивали и дополняли. Обладателями героического эпоса, созданного в глубокой древности, являются и современные поколения.

Героическим эпосом карело-финского народа являются руны или эпические песни, объединенные и поэтически обработанные финским писателем Ленротом в свод под названием «Калевала» и так вошедшие в сокровищницу мировой литературы.

Выражая народное сознание, его думы, «чаяния и ожидания», руны несут на себе отпечаток мирозерцания прошлых поколений и их истории. М. Горький писал, что «от глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории... Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества...»¹

Отражение в рунах различных эпох, повышая значимость их как источника для изучения истории народа, вместе с тем усложняет их понимание.

Наиболее древним в рунах является отражение первобытно-общинного строя. Как известно, «при первобытно-общинном строе основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства» (История ВКП(б). Краткий

¹) М. Горький. О литературе Изд. 3-е, 1937, стр. 456.

курс, стр. 119). Вот эта общность средств производства и общий труд, ведущий к общественной собственности и нашли свое отражение в карело-финском народном эпосе — рунах.

В рунах встречаются образы великанов, которые пахут поля на больших лошадях, огромных быков, от которых люди получают тысячи пудов мяса, поступающего в общий котел; больших домов с многочисленными обитателями и т. д.

Великаны и богатыри рун есть, по нашему мнению, олицетворение силы первобытной общины. Принадлежащими им большими вещами изображаются общественные средства и продукты производства.

Эти и подобные им гигантские вещи, огромные поля и колоссальные животные в рунах одновременно называются и «нашими», т. е. принадлежащими многим людям, всему коллективу.

Отражение первобытной общности труда, которая «ведет к общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства» (История ВКП(б). Краткий курс, стр. 119), мы можем наблюдать в следующих эпизодах рун. В руне, записанной в 1880 году в д. Суднозеро, повествуется о том, как Вейнемейне и Илмойллине сообща изготавливают рыбацкую лодку. Эта лодка в руне называется «большой», т. е. общей. В одной из рун такую «большую» (общую) лодку изготавливают сообща женщины:

Там хорошие хозяйки
Верстняк ломают в чаще,
Лодку делают на славу.

Между прочим, до наших дней еще сохранился в рунах мотив изготовления лодки с помощью каменного топора. В руне, записанной от южно-карельского певца рун П. Прокопьева, читаем:

Вот хватает Вейнемейне
Каменный топор скорее,
Но осина молвит слово:
«Нет уж, старый Вейнемейне,
Не стесать тебе здесь лодку».

Мотив этот встречается и в старых записях рун.

Сообща же в рунах вяжется и невод. И опять-таки, поскольку он общий, он изображается большим неводом, длиной в шестьдесят сажен. Этим неводом Вейнемейне и Илмойллине вместе ловят рыбу.

Наконец, не случайно, и то, что такой же большой изображается и рыба, которую ловят герои рун: ведь эта рыба поступает в общий котел первобытной общины. Большая щука и большой лосось упоминаются в сотнях вариантов рун.

На охоту герои рун также ходят сообща.

И Сампо — эта чудесная мельница, производящая все вдоволь и приносящая людям счастье — во многих рунах мыслится как общинная собственность. Прав был итальянский ученый Компаретти, когда он в своей монографии о «Калевале» склонен был видеть в образе Сампо отражение общего хозяйства, общей первобытной собственности. Подтверждая вывод Компаретти, мы сошлемся на то, что Сампо в рунах также называется и «общим», и «нашим», а в некоторых вариантах рун повествуется о коллективном изготовлении Сампо.

В дальнейшем своем развитии эпос обогатился новыми элементами, отражающими историю классового общества.

Нет сомнения, что именно отношения людей в классовом обществе отражают мотивы рун о найме пастухов, о рабнях, о маленьких избушках, запертых на сотни замков, о маленьком копье, с которым герой идет на войну, о маленькой лодке, в которой он привозит

военную добычу, о покупке за деньги героем рун маленькой лошади и т. п. Многие из этих маленьких вещей называются «моими», т. е. принадлежащими одному человеку, являющимися частной собственностью.

Переосмыслению в этом плане подвергается и Сампо. В рунах с более поздними наслоениями Сампо начинает изображаться маленьким, изготовленным из одного зерна, одного клочка шерсти и т. п. Хозяйка Похьелы просит изготовить Сампо уже «для меня», а не «для нас». Это новое Сампо, согласно некоторым рун, теперь уже «мелет меру для продажи».

В эпосе всех народов тема защиты родины занимает одно из значительнейших мест. Большое место она занимает и в эпосе карело-финского народа. Племя еми, обитавшее в юго-западной части нынешней Финляндии, рано было завоевано шведскими феодалами. Карельские племена, для отпора иностранным захватчикам, вступили в союз с русским народом. История этой совместной многовековой борьбы и нашла свое широкое отражение в карельских эпических песнях. Герои карело-финского эпоса Калева и его сын Куллерво теперь вместе с русскими дружинами сражаются против шведских и саксонских феодалов, осаждают шведскую крепость Выборг, находя сочувствие и поддержку со стороны поработанных финнов. Можно считать что значительная часть карело-финских рун о пастухе-воине, сыне Калевы, связана с событиями XIII—XIV веков, когда карельскому и русскому народу приходилось бороться против шведской интервенции.

Между прочим, в русских летописях сын Калевы имеет несколько тезок. В летописи Авраамки под 1357 годом упоминается дружина Самсона Колыванова, в 1-й Новгородской летописи под 1371 годом говорится об Александре Колыванове. Ученые уже сопоставляли сына Калевы со старшими богатырями русских былин:

Колываном, Самсоном Колывановым, Святогором Колывановичем.¹

С течением времени в эпос стали проникать христианские имена (крещение большей части карел произошло в 1227 г.). Вот поэтому в рунах рядом с именами Вейнемейнена, Куллерво появляются имена Ивана, Петра, Агафьи, Авдотьи, Анны, Катерины. Сам сын Калевы теперь становится Иваном:

Сын Калевы тут приходит,
Это сам Иван Калева.

После подчинения Новгородских земель, в том числе и Карелии, Москве, в карельском эпосе начинают фигурировать царь Иван и царь Петр. В ряде эпических песен карельские дружины помогают войскам Петра I в войне со шведами. Начинают часто упоминаться и русские города: Москва, Питер.

Новое героическое время рождает и новые героические сказания. И теперь карело-финский народ, не забывая своих старых песен, отразивших лучшие страницы истории народа, складывает и поет песни о вождях и героях страны социализма. «В каждую семью, в каждый дом, — пишут колхозники-карелы М. И. Калинин из колхоза его имени в с. Мяндусельге, — вошло добытое в октябрьских боях всенародное счастье, в деревню пришли песни о новой жизни, о прекрасном счастье, о любви к родине, сплетаются новые песни из душевных, проникнутых любовью слов, посвященные тем великим людям, которые привели нас к прекрасному настоящему — славным большевикам партии Ленина-Сталина».

Карело-финский народ выдвинул из своей среды большое количество талантливых певцов рун — выра-

¹) См. Онежские былины, собранные Гильфердингом, №№ 11, 118, 169, 185 — былины старой и новой записи, № 8.

зителей народных дум и чаяний. Руны, записанные сто лет тому назад от карельского певца Архипа Пертунен, легли в основу «Калевалы». Из современных нам народных певцов широко известны в Карело-Финской ССР М. Ремшу, М. Хотеева, К. Ананина, Е. Гаврилова и др.

Несколько слов о самом сборнике.

Все руны, вошедшие в этот сборник карело-финского эпоса, связываются и общностью героев и, в значительной мере, общностью сюжета.

Большая часть рун публикуется в сборнике полностью, те случаи, когда дается лишь отрывок, в примечаниях оговариваются особо. Такая публикация рун, фрагментов и отрывков имеет место в изданиях карело-финского эпоса. Как целые руны, так и их отрывки литературной обработке не подверглись.

Примечания к тестам дают указания на источники, исполнителя, собирателя, время и место записи.

Переводы в основном сделаны составителем сборника, не принадлежащие ему, оговариваются в примечаниях.

Перевод сделан размером подлинника, т. е. в основном восьмисложным стихом, а иногда и семисложным, поскольку он встречается в оригиналах.

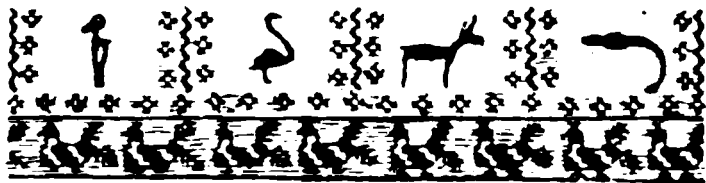
Двустипшие лишь преобладает в карело-финских рунах, и в этом отношении перевод не отличается от оригиналов рун, использованных в сборнике.

Наконец, о стилистической стороне перевода. Там, где только можно было, перевод оставлен подстрочным. Кое-где перевод звучит необычно для русского читателя. Это объясняется некоторыми особенностями, свойственными карело-финскому эпосу.

В работе по составлению сборника, где необходимо было объединить старые и новые руны, вряд ли удалось избежать ошибок. Материал советского периода мог быть значительно расширен, но мы ограничились помещением наиболее характерных образцов современ-

ного народного творчества, имея в виду готовящиеся специальные издания.

Карело-финский эпос проникнут мечтой о чудесном Сампо, приносящем всенародное счастье. История борьбы за Сампо занимает центральное место в рунах этого сборника. Сковавший Сампо кузнец попрежнему живет в творческом воображении народа, сопровождая, согласно песням современных сказителей, И. В. Сталина на царицынский фронт. «Мы — кователи Сампо, — говорил в своем докладе о проекте Конституции Карело-Финской ССР тов. О. В. Куусинен. Сампо — это чудесная мельница Калевалы, которая производит все вдоволь и освобождает народ от непосильного труда. Это—символ, при создании которого карело-финский народ силой своего художественного воображения предугадывал наступление коммунистического общества»

П Р О Л О Г

Архип Пертунен (в 1834 году):

Ларец песенный открою,
Ларец песенный зажгу я,
На колени опираясь,
Здесь о сампо запою я.

Трифон Сергеев:

Вот, возьмемся-ка руками,
Пальцы наши вместе сложим,
Песни славные споем мы,
Так все песни спеть мы можем.

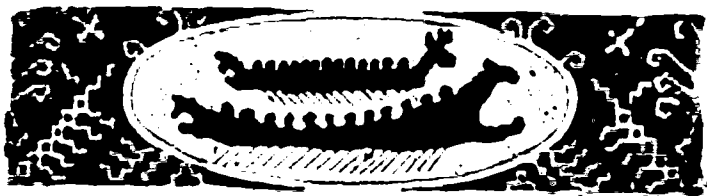
Колхозница Мавра Хотеева:

Пахарям земли хватает,
И охотникам -- лесов здесь,
И озер гребцам хватает,
Песен хватит у певцов здесь.

Слов не стало меньше в песнях,
Не уменьшились те песни.
Раньше лес в тайге исчезнет,
Прежде чем все наши песни.

Кирилл Гауринен:

Не учился петь я песни,
Не ходил я на чужбину,
Я в Лапландию не ездил
И в Эстонию не греб я.
У карел свои есть песни.
Сами слов мы раздобыли.
На дорогах нахватались,
И в кустарнике собрали,
И в ольшаннике нашли мы,
На местах, где много ягод.
Верестняк снабдил словами,
Из головок трав натерты,
Тысяча всех слов в ней было,
Где с травы вода стекает.
Вот когда я пастухом был,
Вот когда я стадо пас здесь,
Вот когда по кочкам прыгал,
И по золотым пригорьям,
И по пестрым скалам бегал,
У костра когда я грелся,
Ветер сотню слов принес мне,
Тысячу нагнал мне ветер,
Мне нанес волнами песен,
Навалил мне разных песен.
Я в клубок смотал все песни,
Я убрал к себе в клетушку,
В золоченый кошелечек,
В медный сундучок запрятал.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Старый верный Вейнемейне
Делал лодку заклиная,
Парус делал напевая.
Лишь трех слов и нехватало,
Чтобы лодку приготовить.
На скале готовил лодку;
Топором не тронул камень
И скалы не прикоснулся.
Илмойллине предлагает:
„За тремя иди словами
К Вибунену Антервойне!“
Шел тот старый Вейнемейне,
Шел он за тремя словами
К Вибунену Антервойне.
Долго Вибуне лежал там,
Под землей спал Антервойне.
Из зубов росла осина
И ольха на подбородке,
Елки из бровей поднялись,

Бородой ивняк поднялся, —
В нем большая сила слова.
Старый верный Вейнемейне
Из рубашки кузню сделал,
Он меха из шубы сделал,
А колено — наковальней;
Коромысло из железа
Со стальным концом сковал он.
В пасть он Антерво то сунул,
Антерво же раскусил сталь.
Вот второй раз сунул Вейне,
Раскусить не смог Антерво.
И большую силу слова,
И могущество земное,
Силу всю из чрева отдал.
Вейнемейне силой слова
Лодку скоро изготовил.

2.

Старый верный Вейнемейне
Вместе с юным Иоукахайне
Делал лодку на горушке,
На скале ее готовил.
Вот уже готова лодка,
В воду лодку он пускает,
Шесть пар весел в этой лодке.

3.

Старый верный Вейнемейне,
Лодку на огне готовит,
Дерево он обжигает.
Так он лодку приготовил
И наладил парус к лодке.
А вот юный Иоукахайне
Расколел, совсем испортил

Изготовленную лодку
С парусом, совсем готовым.
Сам тут старый Вейнемайне
Побежал в шалаш скорее
И копье в углу нашел он.
Юного пронзить он хочет
Прямо в левую подмышку.
Юный же тот Иоукахайне
Растерялся и заплакал,
Засвистел, рукой махая:
„Есть ли на земле мне помощь,
Есть ли на воде мне помощь?“

4.

Жил-был хитрый Леммингяйне,
Вибунена сын веселый.
Он слова искать собрался,
Удить шел себе три слова
Из утробы Вибунена,
От большого Антервойне.
Не достать слов без сноровки,
Без сноровки, без заклятий,
Без ума земную силу.
Сотню слов там можно слышать,
Тысячу иных заклятий,—
В чреве старца Вибунена,
От большого Антервойне.
Там—большая сила слова.
Всю земную мощь он держит,
В чреве силу он имеет.
Но не взять там без сноровки,
Без сноровки, без заклятий,
Без ума земную силу.
Долго Вибуне лежит там,
Под землей спит Антервойне,
Долго он там отдыхает.

Из зубов росла осина,
Из бровей поднялись ели,
Бородой ивняк поднялся.

5.

Старый верный Вейнемейне
С Илмойллиненым совместно
Невод в сажень шесть готовил.
И гребли они в Суоми,
Веслами гребли все дальше,
Рулевым веслом на запад.

6.

Мудрый старый Вейнемейне
Был всегда на рыбной ловле,
Он всегда ходил рыбачить.
Братья же вязали сети.

7.

Верный старый Вейнемейне
Сеть связал; большой был невод,
В сажень шестьдесят длиною;
Ночью темною осенней,
За два летних дня связал он.
Молодежь послал он с сетью.
По теченью сеть тянули,
Поперек теченья тянут,
Но поймать не могут рыбу.
Шел сам Вейнеме рыбачить;
По теченью сеть тянул он,
Поперек теченья тянет.
Взял сосну с большого бора
И ботает тем боталом.
Сеть он разорвал на части,
В воду рыбаков свалил он.
Стало кантеле готово,

Кантеле из рыбьей кости.
Пальцами играет Вейне,
Кантеле звучит певуче.
На болото шел играя,
На бору резвился-прыгал
Куллерво, Калевы парень.
Пальцами играет Вейне,
Кантеле звучит певуче.
Не было того веселья,
Как тогда там веселились
Под бренчанье старца Вейне.
И хозяйка вод обширных
На прибрежный камень села,
Поднялась на сук осины,
На березе привалилась,
На ольхе она уселась.
Не было того веселья,
Как тогда там веселились.
Подошла хозяйка леса
И на изгородь уселась
Слушать чудное бренчанье.
Не было того веселья,
Как тогда там веселились
Под бренчанье старца Вейне.
Пальцами играет Вейне,
Кантеле звучит певуче.

8.

Вот уж старый Вейнемейне
С Леммингяйненным тем вместе
Рыбу неводом отличным
Сообща ловить собрались.

9.

Верный старый Вейнемейне
Гам большую щуку поднял

На сосну с верхушкой плоской.
Щуке грудь он распорол там,
Снял оттуда много рыбок.

10.

Был тот старый Вейнемейне,
Часто был на рыбной ловле,
Удочкой он рыбу удил.
Наскочила его лодка
То ли на подводный камень,
То ли на хребет той щуке.
Наскочила не на камень,
Не на щуку наскочила.
Рыбу ту он в лодку поднял.
Повернул ее и смотрит:
„Для сига, так слишком гладка,
А судак не так вертлявый,
Лосось же не так уж скользкий,
И грудей нет для девицы.
Вот мотыгу бы мне в руки,
Либо каменный топор мне,
Сделанный зимой топорик. —
Я бы рыбу им разрезал,
На кусочки бы разрезал,
На обед всю лососину“.
Выскользнул тот лосось в море,
Рыба пестрая скользнула,
На волне девятой моря
Головой своей встряхнула:
„Не пришла же я к тебе, друг,
Лососиной на обед твой,
Чтобы ты меня разрезал,
Чтобы на куски разрезал.
А пришла бы я к тебе, друг,
В вековые супруги.

На твоей подушке спала б,
Разувала б тебе ноги“.
Вот уж старый Вейнемейне,
И кручинясь, и печалясь,
В кузницу гребет на лодке.
Там он грабли приготовил —
Ручку в сажень сто длиною,
В двести сажень зубья грабель.
Грабил на лугах прибрежных,
Выгребал и весь камыш он.
Рыбью кость одну находит,
Рыбьей кости лишь кусочек.
Повернул ее и смотрит.
„Что бы доброго здесь вышло
Из-под рук моих привычных?
Кантеле бы можно сделать“.
И уж кантеле готово,
Вот на нем играет утка,
Птица водная играет.
Но в игре той нет веселья —
Звуки кантеле глухие.
Сам тот старый Вейнемейне
Кантеле кладет под пальцы,
Кантеле берет он в руки.
Кантеле в руках привычных
Языком своим звучало.
И сама воды хозяйка
Синие чулки связала,
В петли красные забилась,
На ольхе большой уселась,
На пенек березы села
Чудную игру послушать,
Вейнемейнена бренчанье.
Сам же старый Вейнемейне
Все смотрел кругом играя,
Но девица не явилась.

Был тот старый Вейнемейне,
 Лодку на горе он делал,
 На скале ее готовил;
 Отскочил топор от камня,
 От скалы топорик острый,
 В палец старца Вейнемейне.
 Едет он дорогой нижней
 И в одну избушку входит.
 Второпях он вопрошает,
 У порога вопрошает:
 „Нет ли в этом вашем доме,
 Нет ли здесь из молодежи,
 В подрастающем народе,
 Кто бы кровь остановил мне,
 Злобу дерева мне сдунул,
 Слово от железа зная?“
 С печки проворчал старик гам,
 Из-под одеяла буркнул:
 „Нет здесь, в этом нашем доме,
 Нет из этой молодежи,
 В подрастающем народе,
 Кто бы кровь остановить мог,
 Злобу дерева всю сдунуть,
 Зная слово от железа“.
 Едет он дорогой средней
 И в одну избушку входит.
 Встав под черным потолком там,
 С головы снимает шапку,
 Рукавицы с рук снимает.
 „Нет ли в этом вашем доме,
 Нет ли здесь средь молодежи,
 В подрастающем народе,
 Тех, кто кровь остановил бы,
 Злобу дерева убил бы,

Зная слово от железа?“
Проворчал старик там с печки:
„Нет здесь — в этом нашем доме,
Нет и в этой молодежи,
В подрастающем народе,
Кто бы кровь остановить мог,
Злобу дерева всю сдунуть,
Зная слово от железа“.
И трехдневный тут ребенок
Говорит из колыбели:
„Ой ты, старый Вейнемейне,
Знахарей зачем ты ищешь,
Для чего все вопрошаешь?
Сам ты знахарь вековечный,
Заклинатель поколений!“
Рассердился Вейнемейне,
Очень он тут рассердился,
Из своей ноги боль сдунул.

12.

Вот огонь старик уж выбил,
Вейнемейне выбил кремнем,
Был с пятью он стукалками,
Колотилок шесть в нем было,
Был брусок с семью концами,
Три пера на нем орлиных.
И огонь прошел сквозь землю,
Сквозь шесть пестрых крышек тверди,
Сквозь отверстие для дыма.
Грудь у матери обжег он,
Ободрал сосцы у девы.
Мать та лучше, чем другие,
Делать многое умела:
Вот в клубок огонь смотала,
Отнесла в реку Туонéлу.
И тогда река Туонéла

Вспенилась как ель высоко,
До обрывов поднялась там.
Гладкий сиг огонь тот скушал.
Стал метаться сиг тот гладкий,
Плавать стал от мыса к мысу,
Между островами плавал.
Нет того, кто б съел беднягу
И огонь, несущий муки,
Погасил бы в том Ангерво.
Красным лососем сиг съеден.
Мечется от мыса к мысу,
Плавает меж островами.
Нет того, кто б съел беднягу
И огонь, несущий муки,
Погасил бы в том Ангерво.
Братья в красных рукавицах
Стали у сетей трудиться.
Им пришлось прислушиваться,
Про огонь они узнали,
И домой уже попали.
Коноплю они уж сеют,
Конопля уж вырастает.
Отмочили коноплю всю
И связали братья невод,
Закрепили с верхним краем.
Летом за одну ночь невод
Потянули по теченью,
Не попала в невод рыба.
Поперек течения тянут,
Нет оттуда рыбы красной.
Вот уж старый Вейнемейне
Сам пошел ботать боталом;
Разботал тот невод в клочья.
Лосось красный пойман ими,
Но к нему не подступиться
Без дельничек теплых пестрых

И без медных рукавичек.
„Эй ты, зимних льдов девица,
Пестрые неси дельницы,
Медные дай рукавицы!“
Вот она домой бежала,
И бегом она вернулась.
Пестрые несла дельницы
И из меди рукавицы.
Вот разрезан лосось красный,
В нем был гладкий сиг запряган;
Вот сига уж разрезают,
Огненный клубок в сиге был
И крючок золотой скрипел там,
Что огонь в себе рождает.

13.

Старый верный Вейнемейне
Делал лодку напевая,
С песней лодочку он делал.
Лишь трех слов и нехватало,
Чтобы лодку приготовить,
Чтобы лодочку закончить.
„Но откуда взять слова мне?“
„Вот, где есть сто слов отличных,
Там есть тысяча заклятий:
На шесте большом для белок,
Там в большом оленьем стаде,
На плечах гусиной стаи“.
Изгородь прошел большую,
Длинный путь прошел поспешно,
И попал туда на место.
Расстрелял оленей стадо,
Белок ряд большой убил он.
Там достал он сотню слов тех,
Тысячу достал заклятий.
Приготовил так он лодку.

Тут-то Похьелы хозяйка
 В путь направилась скорее
 К Вейнемейнену седому
 И сама ему сказала:
 „Эй ты, старый Вейнемейне,
 Как на дереве вертлявом
 И на шатком ты гребешь здесь?“
 Усадила в лодку старца
 И гребла она в Похьелу.
 А тот старый Вейнемейне
 Сам такое слово молвил:
 „Эй, кователь Илмойллине,
 В лес охотиться пойдём-ка,
 Будем там стрелять мы в белок“.
 На охоту шли герои,
 В белок шли стрелять, сидящих
 На золотой верхушке ели.

15.

Леммингяйне, хитрый парень,
 На дворе своем слоняясь,
 Слышал гром он за озерком.
 Он собрал в костер деревья,
 И возов собрал он тридцать:
 Ель сухую, сосен тоже,
 И осин собрал отличных,
 Верестняк собрал трескучий.
 Это все в огонь он бросил,
 В пламени сжигал деревья,
 Сам он в пламени уселся,
 Ночь сидел там, ночь вторую,
 Третью ночь там находился.
 Из огня тогда он вышел,
 Борода не обгорела,
 И кудрей не опалил он.

Тетерев из уст явился,
С пестрыми когтями птица.
В Вейелу послал он птицу.
Гурт овец нагнал он песней
И ягнят большое стадо,
В пасть волкам все это бросил.
Сам пошел своей дорогой
И пришел на двор Вейелы;
Там есть Ахти Суарелайне.
Островитянин тот Ахти
Озеро напел он на пол.
Вот река бежит по полу,
Озеро волнами плещет.
И тогда-то Леммингяйне
Там напел быка большого,
Чтоб из озера пил воду.
Не такой уж бык огромный —
Как теленок от коровы.
Вот пошли они на лося,
Вслед за лосем шли на лыжах,
В лося шли они стрелять там.
У шестого петушок был,
У восьмого же — мякушка.

16.

Людам всем он так промолвил:
„Сколько всех детей здесь — в Лопи,
Пусть идут искать все щепки!
Сколько женщин всех здесь — в Лопи,
Пусть они котел все моют!
Сколько всех мужчин здесь — в Лопи.
Пусть же нож они все точат,
Шкуру пусть сдерут у лося!“

17.

Лаппалайне косоглазый
Подстрелил коня, как лося,

А собаку, как медведя.
Гнездышко там свила птица,
Все из золота и меди
И из травки серебристой
На колене старца Вейне.
Стало уж гореть колено,
Стало мясо нагреваться.
Голову приподнял Вейне,
Яйца в воду уронил он.
Носом рассекал он небо,
А хвостом копал он скалы.

18.

Вспахивать кузнец собрался
Каменистую поляну,
Но тут лемех разломился.
„Нет железа у меня здесь.
Ничего нет у меня здесь.
Из чего я буду делать?
Сделаю из камня лемех.
Но как бросишь камень в горн ты?
Камень же сгорит в горниле.
Нет, не сделать мне здесь лемех!“

19.

Дым на острове виднелся
И огонь на перешейке.
Слаб, чтоб быть военным дымом,
И велик, чтоб быть пастушьим.
Нагревают камни месяц,
И в тайге уж жгут деревья.
Осмотр варила пиво,
Койётар же квас варила,
Только пиво не бродило,
То питье для молодежи;
Квас золотой не поднимался.

В Похьеле сама хозяйка,
Редкозубая старуха
На подмостках суетилась
И, ладони потирая,
Из ладоней выжимала —
Белку белую натерла
Из своих ладоней мягких.
Пташечку сама учила,
Белочке советовала:
„Ты иди, куда пошлю я,
Вдоль и поперек две горки,
Третью же пройди наискось.
Там есть три огромных ели,
Две из них платком накрыты,
Третья елка не накрыта.
Принеси еловых шишек,
Принеси коры сосновой“.
Белочка, прыгунья-пташка,
Прыгала, куда велели,
И уже назад скорее;
Принесла еловых шишек,
Принесла коры сосновой
Осмотр своей родимой.
Осмотр готовит пиво,
Шишки в квас она бросает,
От сосны кору ту в пиво.
Стало уж готово пиво,
Квас золотой стал подниматься
В бочке кругленькой, ольховой,
За дубовою затычкой.
Осмотр, хозяйка пива,
Пташечку сама учила,
Белочке советовала:
„Ты иди, куда велю я,
Лишь советую куда я,
Весь народ зови скорее!“

В Похьелу — сюда на свадьбу
И на пир большой ватаги;
Пусть слепые в лодке едут,
Пусть верхом хромые едут.

20.

В Хиттойле был дом огромный,
В Хиттойле был дом Похьелы,
В сотню сажен был длиною,
В тысячу он поперек был.
Петушиный крик на крыше
Там до пола не был слышен,
У окошка лай собаки
До дверей там не был слышен,
В стариковском новом доме,
В белом доме стариковском.
Летом воду кипятили,
Там зимой варили пиво,
Месяц камни накаляли.
Калеватар воду носит,
Осмотар же пиво варит.
На дрова весь лес сожгли там,
Озеро там осушили,
В Хиттойле для того пира,
В Похьеле для выпиванья.
Белочка с кривою лапой
На сосновый бор бежала,
На березки поднималась,
Видела медведей драку,
Жеребцов там увидала.
Вспенились медведей пасти.
Жеребцы все в пене были.
Белка пену всю собрала
И в лукошко выливала,
В руки Осмотар давала.
Осмотар всю пену — в пиво,

В квас всю пену выливала.
Вот уж пиво то готово,
Квас медовый для героев.
Пастушонок в мокрой шляпе
Посылал в шесть стран посланцев,
В восемь стран их посылал он,
Приглашал он всех убогих.
Все слепцы гребли на лодках,
Ехали хромые верхом.
И незван лишь Леммингяйне.
Леммингяйне — скверный парень,
Он сестру свою испортил,
Дочку матери любимой.
Молвил хитрый Леммингяйне:
„Я пойду на пир незванным!“
И направился в Похьелу.

21.

Дуб большой из недр поднялся,
Разрослась большая ива,
На ветвях играют белки,
На ветвях ольхи широкой.
Скрылось солнце за ветвями,
Месяц скрылся между ними.
Облака остановились,
Солнце греть не стало землю,
Перестал светить и месяц.
Совещаются девицы,
Жребий женщины бросают,
Как теперь без солнца жить здесь,
Как без месяца справляться.
Черный муж из моря вышел,
Богатырь из волн поднялся;
Мертвеца лишь будет лучше,
Покрасивей лишь, чем мертвый.
На плече несет топор он

Остры — с медным топорищем.
Он рубил им день, второй день,
Третий день рубил прилежно.
И большой там дуб срубил он,
Повалил большую иву.
Стало снова греть всех солнце,
Месяц снова светить начал,
Облака вновь побежали.

22.

В Емьском крае бык родился,
Он в Суоми появился,
Головой к Кеми тянулся,
Хвост же в Торнио болтался.
День там ласточка летела
Меж бычачьими рогами.
День и белочка бежала
По спине быка большого.
Начали быка уж резать;
Резать шел быка старик тот,
Палване держать быка стал,
Вироканнас разрезать стал.
Головой тот бык уперся
И рогами их боднул он,
Черные глаза нахмурил.
Палване слетел на иву,
Вироканнас же на пень.
Палване кричал с той ивы,
Вироканнас с пня промолвил:
„Вот приду еще второй раз,
Мяса сотня бочек будет,
Крови будет на семь лодок!“

23.

Молвит Анникки — девица,
Стоя у подмостков длинных,

Видя черное на волнах.
„Если это — стая рыбок,
Пусть же уплывет под воду.
Пусть летят, коль это — птицы,
Пусть летят своей дорогой!“
Видит парус подплывает,
Стоуключинная лодка,
И герой сидит в той лодке,
За рулем сидит из меди.
Это старый Вейнемейне.
„Я гусей стрелять поехал“.
„Если бы ты шел на гуся,
То ты лук бы нес подмышкой,
Вслед бежала бы собака.
Ты скажи мне только правду,
А то лодку опрокину,
Вверх тормашками посуду“.
„Из далекой Сариолы
Сватать девушку поехал“.
В горсть подол свой подобрала,
Анни в кузницу бежала.
„Скуй, кузнец, мне пять застежек,
Ты мне сделай шесть сережек,
Весть хорошую узнаешь“.
Все сковал кузнец, что надо.
„Весть хорошую поведай!“
„Едет старый Вейнемейне
Сватать девушку Похьелы,
На которой собирался
Ты давным-давно жениться“.
„Наколи-ка дров скорее,
Изготовь растопок мелких,
Принеси золы с пожоги,
Сделай щелоку немножко,
Чтобы был густым тот щелок,
Чтоб осел на ногте черном“.

Вот кузнец вбегает в баню,
Голову там умывает,
Белое все одевает,
И уже домой шагает.
„Ой ты, Анникки-сестричка,
Сапоги неси скорее,
Пестрые дай рукавички,
Принеси скорее шубу
С тысячею пуговичек;
Запряги скорей лошадку!“
Лошадь запрягала Анни:
„Эй, кузнец, ступай скорее
Да садись-ка в санках пестрых,
И кнутом ударь лошадку!“
В Похьеле собака лает,
К небу морду поднимает,
По земле хвостом виляет.
Говорит старуха дочке:
„Ты иди смотреть, девица!“
А собака-то все лает,
По земле хвостом виляет.
Девушка же отвечает:
„Некогда, не обещаю,—
Я обед большой готовлю!“
„Ты иди, пастух, смотреть там!“
„Некогда, не обещаю,—
Я пасу большое стадо,
Хлев коровий убираю“.
Вот идет сама старуха.
Видит лодка подплывает,
Также санки замечает,
Что скользят по лесу Симо,
Лодку — по заливу Лемпи.
То — кователь Илмойялине,
Он добра везет с собою,
От олонцевских окраин

Золота везет он в шлеме,
Серебра везет он вдоволь.
Девушка же заявляет:
„Девушек не покупают,
Даром отдают их замуж“.
Звали всех гостей почетных,
Свадьбу справили на славу.
Из саней девица молвит:
„Жестко здесь лежать на санках,
Холодно быть с кузнецом мне!“
И тогда кузнец ей молвил:
„Ты не унывай, красотка,
Потерпи еще немного,
Скоро мы домой приедем!“

24.

Хитрый парень Леммингяйне
И красивый сын Калевы
Вместе с старым Вейнемейне
Собрались на свадьбу ехать.
Молвил хитрый Леммингяйне:
„Ведь мой меч-то самый лучший,
Щит мой всех щитов красивей!“
Гот красивый сын Калевы
Не стерпел такого слова,
И мечом он размахнулся,
В ногу левую ударил,
Руку правую задевши.
Старый же тот Вейнемейне
Вымолвил слова такие:
„Ах, красивый сын Калевы,
Плохо же ты ранил мужа,
Волосы ему отсек ты,
Борода его упала
С подбородка да на землю.
Борода его пропала“.

Тот красивый сын Калевы
Голову склонивши низко,
Шапку набекрень надвинув.
Собирается скрываться,
Обращается он в бегство.
На морской попал он остров.
На котором нет деревьев.
Ель красивая росла там,
Ель росла и зеленела;
На золотой верхушке ели
Золотая есть куница.
Тот красивый сын Калевы
Разбудил свирепый ветер.
И отнес его тот ветер,
Буйный ветер снес на берег,
К кузнецу отнес — на землю,
К Илмойллинену в жилище.
И тогда кузнец промолвил:
„Ой, красивый сын Калевы,
Где ты пропадал годами,
Где ты проводил денечки?“
Отвечал тот сын Калевы:
„Там я пропадал годами,—
На том острове заморском,
Где поднялась ель золотая,
И куница золотая —
На золотой верхушке ели!“
Но не верит Илмойллине:
„Узнаю в тебе лгуна я!“
Предложил тот сын Калевы:
„Если ты мне здесь не веришь,
Так пойдем ее посмотрим!“
Вот смотреть они походят:
Тут и старый Вейнемейне,
И кузнец тут Илмойллине,
И красивый сын Калевы.

Тот красивый сын Калевы
Разбудил свирепый ветер,
И отнес их этот ветер
Прямо в Похьелу на север,
В дальнюю ту Сариолу.
И кузнец тот Илмойллине
Сампо там кует прилежно,
Молотом он ударяет
По сосновому чурбану,
По железной наковальне.
Золоченый круг вертелся.
Сделал он большое сампо
Для народа всей Похьелы.

25.

Старый верный Вейнемейне
И кователь Илмойллине
Вместе делали там лодку,
С песнями оттесывали.
Нехватало трех словечек,
Чтобы лодку изготовить,
Чтобы вытесать кокоры
И ключины поставить.
Вот пошли уж за словами,
Удочкой слова те удить
Из уст Антерво Вибуне...
Снова делают там лодку,
С песнями оттесывают,
Все слова они достали,
Половина слов излишня.
Вот уже готова лодка,
В воду лодку ту пускают,
Как утят пускает утка,
Как птенцов пускает чирок.
И гребут гребцы усердно,
Хорошо плывет та лодка...

Вот уже гребут в той лодке,
Похищать собравшись сампо
Корни сампо углубились
Сажень на девять под землю
Тут кователь Илмойллине
Выковал соху на славу,
Корни те сохой вспахали...
Сампо в лодку относили,
Крышку пеструю под парус.
Вот гребут они прилежно,
Хорошо плывет там лодка.
Говорит тут Илмойллине:
„Спой-ка песню, Вейнемейне,
Получив в придачу сампо
И пройдя хороший путь“.

26.

Но тогда журавль запел им,
Похьелу всю разбудил он,
Молвит в Похьеле старуха:
„Унесли у нас уж сампо,
Что зарыто было в землю!“
Тут кузнец уж Илмойллине
Оглянулся вправо-влево,
Посмотрел на берег Похьи.
И тогда он так промолвил,
Он такую мудрость молвил.
„Подплывает лодка Похьи,
Стоуключинная лодка,
Тысяча мужчин у весел,
Сто мужчин гребут в той лодке!“
И хозяйка той Похьелы
Вверх вспорхнула, полетела
К старцу Вейнемейнену.
Молвит Похьелы хозяйка:
„Эй, давай поделим сампо

Здесь, на мысе островочка!
Начали делить то сампо
Там, на мысе островочка.
Сампо в море уронили,
Не досталось сампо людям.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

1.

Жил был хитрый Леммингяйне
Там же, где и Вейнемейне.
Взял крючок он из кармана,
Взял железный из мешочка,
И крючком тем удит рыбу,
Тем крючком железным удит.
На уду не клюнет рыба,
Таймень на крючок не клюнет...
Рыбка на крючок попала,
На крючок попал тот таймень.
Медная уда дрожала
И леса серебряная.
В лодку рыбку вытащил он.
Смотрит, поворачивает.
И такое слово молвит:
„Рыбка ли без плавников тут,
Или дочка старца Вейне?“

Нужно ли ее разрезать,
Лососиной приготовить,
На обед ее зажарить
И на ужин лососиной?“
Рыбка в море ускользнула,
Рыба пестрая поплыла,
И затем лишь приподнялась
На волне морской девятой,
На шестом поднялась вале.
Слово молвила такое:
„Не пришла же я к тебе здесь,
Чтоб меня ты скушал рыбой,
Лососиной приготовил,
На обед себе зажарил
И на ужин приготовил.
Я притти к тебе хотела
Убирать твою постельку,
Подметать твой малый домик,
Подметать полы в избушке“.

2.

На безрыбье плакал Кавко,
А другой брат без сетей был,
Третий сетовал на долю,
Клеть у Ахти уменьшалась.
Был амбар большим у Ахти,
Было в нем добра для многих,
Все добро вода давала.
Молвил старый Вейнемейне:
„Эх, не мог ведь удержать я
Ахти дочь единственную,
Деву Велламо, русалку!“

3.

Встретились в пути два мужа,
И гужи переплелися,

И дуга с дугой сцепились.
„Кто из нас здесь большой знахарь
Тот стоит пусть на дороге,
У кого познаний меньше,
Тот дорогу уступает!“
Топит юный Иоукахайне
Вейнемейнена в болото.
Старый же тот Вейнемейне
Из болота вмиг поднялся.
Вот уж старым Вейнемейне
Иоукахайне спет в озерко,
Где не водится и окунь,
И волной уж покрывался
Он у берега на камне.
„Ой ты, старый Вейнемейне,
Подними меня отсюда!“
„Что же дашь ты мне за это?“
„Трех лошадок я имею;
Беговой одну считают,
А другая — гужевая,
Третья лошадь всех их лучше!“
„Эх, ты, юный Иоукахайне,
Что еще ты обещаешь?“
„Выдам за тебя сестрицу,
Ткущую златые ткани,
Хлеб пекущую медовой,
Будет старому опорой,
В доме хилому защитой!“

4.

Жил Калевы сын прекрасный.
Направлялся он тихонько
В темную Похьелу ехать,
В край Похьелы той далекой,
Где героев топят в море.

В домик маленький вошел он,
В пастухи там нанимался.
А хозяйка-то, злодейка,
В хлебец камень запекала,
Толстую спекла мякушку
Пастуху, чтоб кушал он.
Калева, красивый парень,
Нож сломал об камень в хлебе.
Об скалу сломал он ножик.
Рассердился пастушонок,
Всех коров загнал в болото,
Всех телят загнал в озерко,
И волков нагнал он вдоволь,
А медведей в хлев загнал он.
Подойти пошла хозяйка,
А хозяин трубку курит.
Волки съели ту хозяйку.
Там ее медведи съели.

5.

Остроглазый Лаппалайне
Был озлоблен, месть таил он,
И таил он долго злобу
К Вейнемейнену седому.
Ждал он вечер, день он ждал все.
Что проедет Вейнемейне,
Что придет Умендолайне.
Вот уж старый Вейнемейне
Там в свои уселся сани,
В те узорные уселся.
На лошадке светлой масти,
На невзрачной кляче едет,
Проезжает путь поспешно.
По хребту морскому едет,
По равнине вод открытых.
Косоглазый Лаппалайне

Ждет его и днем и ночью.
Как-то вот, однажды утром,
Черное заметил в море,
Что-то синее на волнах.
Лук он огненный хватает,
Красный, на огне каленый.
Лук натягивает быстро,
В тетиву стрелу влагает,
Лучшую стрелу влагает.
И тогда он так ей молвит:
„Коль рука нацелит низко,
Пусть стрела летит повыше,
Коль рука нацелит кверху,
Пусть стрела помчится ниже!“
И под старым Вейнемейне
Подстрелил тут он лошадку —
Ту лошадку масти светлой
Через правую лопатку,
Через левую подмышку.
Тут уж старый Вейнемейне
Распростер на волны руки,
Пал ладонями на воды.
Целых шесть лет он несется,
Целых семь без перерыва.
Точно сук сухой от ели,
Точно ветвь сосны блуждает,
Плачет, слезы проливает.
„Подымись, великий ветер,
Непогоду, дождь пошли ты,
Волны черные на море,
На равнине под открытых!“
И подул великий ветер,
Непогоду, дождь послал он,
Волны черные на море,
На равнину вод широких.
Вейнемейнена относит

В темный край Похьелы мрачной,
К камню пестрому относит,
К одинокому утесу...
Плачет, слезы проливает.
А хозяйка той Похьелы
Встала рано, как и раньше,
Встала очень рано утром,
Натопила быстро домик.
Подмела свою избушку,
Мусор отнесла на дворик,
К полю заднему сносила
И сама на мусор стала.
Слышит Похьелы старуха
И, прислушиваясь, смотрит
Слышит, будто плачет кто-то.
„Плачут так одни герои.
Так здесь женщины не стонут.
Так лишь плачет Вейнемейне,
Как лишь стонет Ундамойне“.
Тут-то Похьелы старуха
Суетилась, заспешила,
В платья лучшие оделась,
В подобающие платья.
К Вейнемейнену бежала,
Молвила такое слово.
„Что ты плачешь, Вейнемейне,
Что ты стонешь. Ундамойне?“
Молвил старый Вейнемейне:
„Плачу я о том, горюю,
Очень долго уж горюю,
Что попал в края чужие,
И к чужим дверям попал я“.
Говорит старуха Похьи:
„А чего бы подарил ты,
Если б в край родной снесла я,
Где поет тебе петух, твой,

Из краев чужих и дальних,
От дверей тебе чужих?“
Молвил старый Вейнемейне:
„Что ты от меня попросишь?“
Говорит старуха Похьи:
„Сампо новое мне сделай,
С пестрой крышкой мукомолку-
Лебединое перо взяв,
Взяв кусочек веретенца,
Взявши шерсти лишь пучочек,
Молока взяв*от коровы
И ячменное зерно взяв!“
Молвил старый Вейнемейне:
„Не могу сковать я сампо,
Крышку пеструю устроить.
Илмойллинена пришлю я,
Это — лучший наш кователь,
Он то сампо приготовит“.
И тогда старуха Похьи
Смерть от мужа отогнала,
Взяла*старца Вейнемейне,
Отнесла к себе в свой домик,
Напоила, накормила
И от смерти окропила.
Жеребца бежать послала,
Жеребца с льняною гривой,
Из Похьелы вечно мрачной.
Из печальной Сариолы.
Из деревни мужеедок,
Где героев топят жены.
Дома старый Вейнемейне
К кузнецу спешит скорее,
Молвит там такое слово:
„Ой, кузнец ты, Илмойллине,
Шурин, дяди сын родимый,
Вот пойдем смотреть девицу,

Деву с пышною косою.
В темной, сумрачной Похьеле
Сватал я тебе девицу!“
И кузнец тот Илмойллине
Весь очистился, умылся,
И от копоты осенней,
И от всей той грязи зимней.
Подошел к дверям он смело
И замками запер двери,
В сани он скорей уселся,
В санках пестрых развалился,
Жеребца пругом ударил,
Бил кнутом с жемчужной ручкой.
Жеребец помчался быстро
В вечно мрачную Похьелу,
В сумрачную Сариолу,
В села, где мужчин изводят,
Где героев топят жены.
Илмойллинена в Похьеле
Та беззубая старуха
Сампо делать заставляла,
Крышку пеструю готовить,
Лебединое перо взяв,
Зернышко ячменное взяв
Да пучок овечьей шерсти,
Молока взяв от коровы
И кусочек веретенца.
И кузнец тот Илмойллине
Сампо днем кует прилежно,
Ночью с девушкой резвится.
Вот уж мастер Илмойллине
Приготовил скоро сампо,
Сделал крышку с пестрым верхом,
Лишь девицу не достал он.
Сампо новое уж мелет,
С пестрой крышкой мукомолка.

На рассвете меру мелет,
Меру мелет на потребу,
А другую — для продажи,
Гретью меру для запаса.
Рада Похьелы старуха.
Отдает свою дочурку
Кузнецу, что сделал сампо,
Вековечною невестой,
Курочкой ему подмышку,
Что постель ему готовит,
Сапоги ему с ног снимет.
Едет мастер Илмойллине.
Едет он домой и видит,
Как кукушечки кукуют
Перед пестрыми саями.
Видит — белочки резвятся
Вдоль оглоблей санок пестрых
И тетерки все воркуют
На дуге у той лошадки.
Едет мастер Илмойллине.
Руки — в пестрых рукавицах,
Руки — на груди девицы.
На ноге — сапог саксонский,
На другой сидит девица, —
Так он ехал из Похьелы.
Вот уж Илмойллине дома.
Тут-то старый Вейнемейне
К Илмойллинену заходит,
Кузнецу вопрос он ставит:
„Брат, кузнец мой, Илмойллине,
Шурин, дяди сын родимый,
Сделал новенькое сампо,
Крышку пеструю устроил?“
Молвил мастер Илмойллине:
„Сампо новое я сделал,
Молоко взяв от коровы,

Шерсти взяв один пучочек,
Веретенца взяв кусочек
И ячменное зерно“.
Молвил старый Вейнемейне:
„Сампо новое мололо,
С пестрой крышкой мукомолка .
Молвил мастер Илмойллине:
„Мелет сампо новенькое.
Меру мелет на рассвете,
Меру мелет на потребу,
А другую — для продажи,
Третью меру для запаса“.
Тут уж старый Вейнемейне
Правду чует в тех известьях;
Сделал лодку он скорее,
Лодку он пустил на волны
И такое слово молвил:
„Кто же здесь еще героем
В путь отправится со мною?“
„Это Тьера, — Ньеры сын он, —
Будет лучшим твоим другом“.
Парус поднял он на лодку,
Точно сосны на горушку;
Он несется синим морем,
За рулем сидит согнутым.
Носится два дня по морю,
Двери Похьелы он видит, —
Сариола там сверкает,
Бесовы скрипят ворота.
Тут-то старый Вейнемейне
Сунул руку в свой карманчик,
В кошелек свой сунул руку. .
Взял он сонные иголки,
Усыпил толпу он ими, —
Шайку всю поганых бесов;
Он несется синим морем

В темный край Похьелы мрачной.
Старый верный Вейнемейне
Тут такое слово молвил:
„Эй ты, Тьера, Ньеры отпрыск,
Коль ты лучший мой приятель,
Так иди искать то сампо,
Крышку пеструю неси мне!“
Вот уж Тьера, Ньеры отпрыск,
Хитрый, спорый на приказы,
Легкий на помин и быстрый,
Шел искать, нести то сампо,
С крышкой пестрою нести шел.
Но не мог поднять он сампо,
Сдвинуть крышку с пестрым верхом
Сампо в землю вкоренилось.
Сам тот старый Вейнемейне
Поднимать пошел то сампо,
Крышку пеструю нести шел.
Но не сдвинулося сампо,
Сампо в землю углубилось.
Тут-то старый Вейнемейне
Корни все вспахал у сампо,
Вспахивал быком сторогим,
С тысячей голов лошадкой.
И отнес он сампо в лодку,
Положил на дно той лодки.
Поднимает парус в лодке,
Заплывает синим морем.
День плывет, плывет второй день
Третий день уже плывет он
Из Похьелы вечно мрачной.
Вот журавль тут громко вскрикнул,
Голосом противным вскрикнул, —
Вся Похьела пробудилась,
Вся противная община.
И беззубая старуха

Сампо посмотреть уходит.
„Унесли отсюда сампо,
С крышкой пестрою украли!“
Лодку делает старуха,
Сто мужчин грести сажает,
К веслам сто мужчин сажает;
Сто мужчин сидят с мечами,
Сто мужчин стрелков отличных.
В синем море едет лодка.
Вот уж Тьера, Ньеры отпрыск,
Слово вымолвил такое:
„Эй ты, старый Вейнемейне,
Спой-ка, витязь благородный,
Сампо чудное доставши
И пройдя уж путь приличный!“
Молвил старый Вейнемейне:
„Рано радоваться; вижу,
Время петь не наступило;
Вижу я врата Похьелы
В Сариоле там блестят нам,
Двери скверные скрипят там.
Если бы свои там двери,
Если бы свои скрипели,
Вот тогда бы можно петь нам,
Время б радоваться было“.
И еще такое молвил
Сам тот старый Вейнемейне:
„Слушай, лучший мой приятель,
Поднимись на мачту лодки,
Поднимись-ка, осмотрись там,
Осмотри восток и запад,
Осмотри и берег Похьи!“
Тут-то Тьера, Ньеры отпрыск,
Хитрый, спорый на приказы,
Легкий на помин и быстрый,
Лазает на мачту лодки,

Поднимается смотреть он;
Смотрит на восток и запад,
Смотрит он на берег Похьи,
И такое слово молвит:
„Подплывает лодка Похьи.
Сто мужчин гребет в той лодке,
Сто мужчин сидит на веслах,
Сто мужчин гребет усердно,
Сто мужчин сидит с мечами,
Сто мужчин—стрелков отличных“
Вот уж старый Вейнемейне
Видит, что беда подходит,
Видит, что пришло несчастье.
Сунул руку он в карманчик,
Кремня он достал кусочек,
Трут извлек он из кармана.
Бросил он все это в воду,
В направлении Похьелы,
Через правую лопатку,
Через левую подмышку.
Старый верный Вейнемейне
Тут такое слово молвил:
„Пусть на море мель явится,
Скрытый остров под водою,
Тянущийся от востока
И на запад бесконечный
Пред героями Похьелы!
Пусть на мель та лодка встанет,
Остановится пусть лодка!“
Встала лодка из Похьелы,
Раскололась лодка Похьи.
Но старуха из Похьелы
Жаворонком вверх вспорхнула,
Вверх на крыльях воробьиных,
Веники взяв крылышками,
Кость орлиную взяв клювом.

И летит она высоко
Над хребтом спокойным моря
На просторах вод широких.
Носится, парит орлицей
К Вейнемейнену седому,
Хочет лодку опрокинуть,
В щепки разломать ту лодку.
Говорит тут Вейнемейне:
„Эй ты, Тьера, Ньеры отпрыск,
Эй ты, лучший мой приятель,
Ты теперь свой меч возьми-ка,
Правой ты возьми рукою,
С левой ляжки меч возьми-ка!“
Тьера хватъ мечом орлицу,
По когтям ее ударил.
Раза два он ударяет,
Третий раз уже ударил,
Но не мог убить орлицу.
Сам тут старый Вейнемейне
Поднял руль-весло из моря,
Он из волн поднял лопату
И ударил по орлице,
По когтям могучей птицы.
Палец маленький остался,
Им старуха держит сампо,
Мельницу ту с пестрой крышкой.
Вот уж старый Вейнемейне
В руки взял свой меч отменный,
В руку правую взял острый,
С левой ляжки меч схватил он.
На куски срубил он сампо,
Крышку пеструю он бросил
На хребет морской могучий,
На просторы вод широких.
Ветер те куски разнес все,
Буря разнесла куски те

Через синее все море.
Ветер снес куски от сампо
На морские берега те,
На края морских пучин.
А старуха из Похьелы
Крышку отнесла в Похьелу,
В ту холодную деревню,
Безмянным взявши пальцем,
Левым пальцем относила.

6.

Пиво в Пяйвеле варили,
Пир на острове справляли.
Пиво красное твердило:
„Не придет коль пиво пьющий,
Пир справляющий и пьющий,
То я в бочке дно сломаю“.
Вот уже певца искали,
Но нигде не находили.
Тут певцом приводят шуку,
Не умеет петь та шука,
У слюнявой нет сноровки,
Зубы редкие у шуки.
Лосося певцом приводят,
Не умеет петь тот лосось,
Зубы редкие у рыбы.
Вейнемейнена приводят,
Чтобы пел он песни людям,
Куковал бы, как кукушка.
Вот уж старый Вейнемейне
Пробовал и выпил пива,
И затем и петь он начал,
Стал трудиться он над песней.
Пел он день и два дня целых,
И на третий день сломались
Сани у певца от песен,

Полоз у саней сломался
Под певцом тем Вейнемейне
На большом пиру Пяйвелы,
Где весь остров пир справляет.
Тут он речь такую молвил,—
Сам тут старый Вейнемейне,—
Он слова сказал такие:
„Есть ли здесь, у молодежи,
В подрастающем народе,
Есть ли здесь, в огромном роде,
Будет ли в отцовском роде,
Кто бы лошадь из Туони,
Из Маналы мне привел бы,
Сани новенькие сделав,
На коне верхом приехав?“
Молодежь тут отвечала,
Старики же им вторили:
„Нет из этой молодежи,
Нет в огромном этом роде,
Кто бы лошадь из Туони,
Из Маналы той привел бы,
Сани новенькие сделав,
На коне верхом приехав.
Многие туда ходили,
Мало кто там жить остался,
Мало кто и возвращался“.
Сам тот старый Вейнемейне
Шел за лошадью в Туони,
За конем он шел в Маналу,
Сани новенькие сделав,
На коне верхом поехал.
Он проходит путь короткий,
Он шагает и приходит
Прямо к той реке Туони,
Там кричит он во весь голос:
„Дай мне лодку, дочь Туони,

Дай карбас, дитя Маналы,
Чтоб пролив мне переехать,
Чрез реку туда добратся!“
Молвят дочери Туони,
Девушки те возражают:
„Ты зачем пришел в Маналу,
По каким делам в Туони?“
Молвил старый Вейнемейне:
„Взял меня сюда Туони,
Мана притащил со света“.
Молвят дочери Туони:
„Ложь видна в твоём ответе,
А лгуна узнать нетрудно,
Если б в Ману взял Туони,
То огонь в устах виднелся б“
Молвил старый Вейнемейне:
„Привела вода в Маналу,
Волны бросили в Туонелу“.
Молвят дочери Туони,
Девушки те возражают:
„Ложь видна в твоём ответе,
А лгуна узнать нетрудно:
Коль вода вела б в Маналу,
То текла б вода по платью,
По одежде бы струилась“.
Молвил старый Вейнемейне:
„Если я и лгал немного,
То теперь скажу всю правду:
В Маналу вело железо,
Меч железный — в край Туони!“
Молвят дочери Туони,
Девушки те возражают:
„Ложь видна в твоём ответе,
И лгуна узнать нетрудно:
Если бы вело железо
В край Маналы, в край Туони.

То текла бы кровь по платью,
Шумно б красная струилась“.
Молвил старый Вейнемейне:
„Ну, теперь скажу я правду,
Хоть и лгал я здесь немного:
Был я на пиру Пяйвелы, —
Пир на острове справляли, —
Был певцом я самым лучшим,
Знахарем был знаменитым;
Пел я день, второй день пел там,
И на третий день сломались
Сани подо мной от песен;
Полоз у саней сломался
Подо мной — под Вейнемейне
На большом пиру Пяйвелы,
Где весь остров на пиру был
И за лошадью в Туони,
Я в Маналу направлялся,
Сделав новенькие сани,
На коне верхом приехав.
Дай же лодку, дочь Туони,
Чтоб пролив мне переехать,
Через реку туда добраться!“
Туони дочь пригнала лодку,
Чтоб пролив он переехал,
Через ту реку проехал;
Накормила, напоила,
Уложила спать мужчину.
Спит герой — не спит одежда.
Дочь железная Туони, —
Пальцы, ногти из железа, —
Нить железную там пряла,
И из меди пряла нити.
Сын железный из Туони, —
Пальцы, ногти из железа, —
Из железа вяжет сети,

Сети медные готовит.
Вот уже несут те сети
Поперек реки Туонéлы,
Поперек и вдоль там ставят,
Наискось их расставляют
На пространствах вод Маналы,
Чтоб не вышел Вейнемейне,
Не ушел Умендолайне
Из реки той Туонéлы
Из низин Маналы мрачной.
Тут уж старый Вейнемейне
Видит, что беда свалилась,
Быстро вид свой изменяет,
Он другим спешит явиться, —
И ползет, как червь железный.
Через ту реку Тубни,
Сквозь все сети Туонéлы.
И, придя домой оттуда,
Молвил он всему народу,
Молодому поколенью:
„Многие туда ходили,
Но немногие вернулись —
Из реки той Туонелы,
Из низин Маналы мрачной.
Никогда, сыны родные,
Также взрослые мужчины,
Как и старики седые,
Жеребца из Туонелы,
Из Маналы не водите,
Сделав новенькие сани,
На коне верхом проехав!“
Снова старый Вейнемейне
Стал играть, и петь он начал,
Чтобы слышали те песни
Молодое поколение,
Пожилые и народ весь.

Старый верный Вейнемейне,
Заклинатель вековечный,
В роде лучший песнопевец,
Слышит, что лежит Вейнелэ.
Гам лежат сыны Вейнелы,
Заболели все в Вьюоле
Безымянною болезнью,
Так что пол гниет под ними,
Потолок покрылся гнилью.
И вот старый Вейнемейне
Слышит, что лежит Вьюола,
Ундамола вся болеет
Той болезнью безымянной,
Неизвестной той болезнью,
Так что пол гниет под ними,
Потолок покрылся гнилью.
Старый верный Вейнемейне
Ставит на огонь горшочек
И варить в нем начинает;
Мазь кипела в том горшочке,
Три дня летних мазь кипела,
И ночей три долгих, зимних.
Мазь уже совсем готова
Против той болезни жуткой.
Тут-то старый Вейнемейне
Пололам разбил тот камень,
На три части тот горшочек,
Всех намазал мазью этой.
„Но крепка ли эта мазь-то,
Сильное ли то снадобье?“
Пристает тут камень к камню,
И куски горшка срастают,
Так крепко снадобье это,
Так сильна собой та мазь!

Вылечилась вся Вьюола
От болезни безымянной,
От болезни неизвестной.

8.

И тогда уж Леммингяйне
Сам такое слово молвил:
„Где находится Вьюола,
Проживают дочки Вейне?“
„Там находится Вьюола!—
На волнах, на синем море,
Там, где пестрый камень виден,
В той малюсенькой избушке,
Что замков имеет сотню,
С тысячей ключей в замочках“.
Молвил хитрый Леммингяйне:
„Анникки, моя сестрица,
Натопи теперь мне баню,
Ту избушку маленькую,
Нанеси поленьев малых,
Ты неси растопок мелких!“
Сам же в кузницу пошел он,
Сотню он замков сковал там,
Тут и баню натопили.
Жаворонком он умылся,
Он в красавца превратился,
Грязь осеннюю всю смывши,
Сажу зимнюю из кузни.
И холщевую рубаху
Надевал герой скорее,
Пояс золотой надел он
На холщевую рубаху.
Латы из железа вдел он
На холщевую рубаху.
В латах быть всегда надежней.
В тех железных одеяньях.

Старый верный Вейнемейне
В пастухи послал родимых,
С овцами своих детишек.
Гурт овец прошел далеко
В темный лес, в края лапландцев
Лемпо забежал в ольшанник,
Сухоносый Лемпо в ельник;
В рабство обратил детишек,
На скалу отнес — далеко,
Где заставил их работать,
Где трудиться их заставил.
Жеребца имел тот Вейне,
Жеребцу вскочил на спину,
Сквозь леса, болота ехал,
В облаках промчался Вейне,
Через озеро проехал,
Там-то на подводный камень
На коне верхом наехал.
Очень рассердился старец,
Сел он, кантеле взяв в руки,
Пальцы наложил на струны,
Лишь мизинец загибал он.
Так-то имя Оривеси
Озеро то получило.
А потом он шел на Хаухо,
Попросил себе там лошадь;
Щуки, жившие в той Хаухо,
Взяли нетеля из хлева,
И корову подковали
Вместо лошади для старца.
Старец кантеле взял в руки,
Струны зазвучать заставил.
Слушать ту игру сбежались
Все животные на свете.

Но один лишь черный ворон
Чудную игру ту прервал,
Каркать стал противный ворон.
Очень рассердился старец,
Взял он палку из березы,
Ворона ударил палкой:
Рот раскрылся, клюв сломался,
Отлетел тот ворон Лемпо.
Но гнездо свое взял ворон,
Туфлю надевал на лапу,
На другой же нет и туфли.
Ворона поймал тот старец,
Об скалу убил он птицу
Так, что голова разбилась,
И назвал он это место,
Озеро то — Пюхаярви.
Сгинул из Суоми Лемпо.
Старец в Хаттулу шагает,
Унесли у старца шапку.
Он схватил огромный камень,
Через озеро забросил,
Слово вымолвив такое
И сказав слова такие:
„Пусть же здесь для вас возникнет
Город для детей всех ваших,
Сыновья где суетятся,
Дочери где вам трудятся!“
Так явился Хяменлинна.

II

I.

Время уж сказать про Аhti,
Надо Вейтикки нам вспомнить.
Аhti был отличный парень,
Кюллиikki дает он слово:
Аhti не пойдет сражаться.
Десять месяцев он дома,
Серебра искать не ходит,
Золота искать не ходит.
Кюллиikki пошла в деревню
Погулять с другим мужчиной.
Плачет лодочка у Аhti,
С сотнею уключин плачет:
„Аhti воевать не ходит,
Десять месяцев все дома.
Птицы самые худые
Все бока мои поганят,
И ползучие все змеи
Под моим гнездятся боком.
Все лежу я здесь на стружках,
И на щепках все гнию здесь“.
Вот уж первой ночью темной

Вдоволь Кюллиikki попало,
Вдоволь били ее локтем
И рукой сердитой били.
Ахти на войну собрался,
Горемычный шел сражаться.
Лодочка плывет у Ахти,
И грести рукой не надо,
Так—сама с мостков отходит.
Ахти тут слова промолвил:
„Я возьму с собою Тьера,
Знаменитого глухого,
Воевать пойдет он с Ахти“.
Тьера на войну собрался.
У окна ж сидел родитель,
Топорище он готовил.
И отец тут так промолвил:
„Тьеру на войну не пустим,
Голько что женился Тьера,
Голько что он взял хозяйку
И грудей еще не тронул,
Ей бока не щекотал он“.
Тьера на печи то слышал;
На печи обул он ногу,
На полу обул другую,
У ворот надел он пояс
И бежал на двор поспешно.
Вот копьe схватил уж Тьера,
То копьe не из огромных,
Не из очень также малых,
Так оно — длиной из средних:
Воет волк на рукоятке,
Кот мяукает на древке.
И копьe то бросил Тьера
Между копьями другими.
Молодежь гребла усердно,
Старики, гребя, дрожали,

Весла рябчиком визжали,
Точно лебедь, нос пел песню,
Каркала корма вороной,
И уключины — как утка.
Старый верный Вейнемейне
На колени взял инструмент,
Кантеле звучать заставил.
Кантеле звучит прекрасно.
Сам он плакал, Вейнемейне,
От своей игры чудесной:
И из глаз катились слезы,
Яиц рябчика крупнее,
Толще головы бычачей.
Ряпушка, другие рыбы —
Все они собрались вместе
И на плавники ложились
Слушать, как играет Вейне,
И сама хозяйка моря
На морской утес ложилась,
На живот она ложилась
Слушать, как играет Вейне.
Старец, седовласый леший,
Синие надев чулочки,
Пояс также с красной пряжкой
Он на изгородь уселся
Слушать, как играет Вейне.
И тогда мороз ударил,
И нагрянул сильный холод,
Заморозил лодку Ахти.
За ночь летнюю в той лодке
Лед стал с локоть толщиной,
Навалило много снегу,
До подмышки женской снегу;
Так замерзла лодка Ахти.
Целый год он лыжи делал,
Он весной их приготовил,

Лыжи он на снег бросает,
Точно красную лисицу,
Точно белого зайчонка.
Сам пошел скользить на лыжах,
Да споткнулся он на лыжах,
Палки лыжные сломал он.

2.

Дым на острове виднелся
И огонь на перешейке.
Мал дымок вещать сраженье,
И велик, чтоб быть пастушьим
Пиво Осмотар варила,
Кабу квас изготавляла
Для пирующих в Пяйвеле,
Чтобы пила вся ватага.
Но бродить не хочет пиво,
Квас же кваситься не хочет.
Добронравная хозяйка
Грет ладошками своими,
Грет ладошкой об ладошку.
И тогда в своих ладошках
Белочку она натерла.
„Стой-ка, поучу девицу,
Белочку я поучу здесь!
Ты иди, куда велю я:
Через тридевять морей всех
И десятого полморя.
Там стоят три древних ели,
Две из них платком накрыты,
Третья елка не накрыта.
Принеси еловых шишек,
Принеси сосновых шишек!“
Принесла еловых шишек,
Осмотар их в пиво клала,
Кабу шишки в квас бросала.

Тут бродить уж стало пиво,
Черный мед, — питье готово.
Добронравная хозяйка
Трет ладошкой об ладошку
Белочку она натерла.
„Стой ка, поучу девицу,
Белочку я поучу здесь.
Ты иди, куда велю я:
Девять перейди морей ты
И десятого полморя.
Позови ты Ахти, Кавго,
Также Вейтикки зови ты,
Не зови лишь Леммингяйне!“
„Мать моя, родительница,
Я не знаю, где дом Ахти,
Где стоит усадьба Кавго,
Вейтикки где проживает“.
„Там, на острове, жил Ахти,
Кавго жил на перешейке,
На мысочке жил Вейтикки.
Не зови лишь Леммингяйне!“
Леммингяйне, хитрый парень,
Через дверь на двор выходит,
По лучинке он проходит,
Слышит он, что пир готовят,
Шум за озером он слышит.
Входит в маленький он домик.
„Эй, жена, неси одежды,
Те военные доспехи,
Что носимы на пирушках,
Что на свадьбах лишь носимы!“
Он спешит на пир в Пяйвелу,
Пиво пить с толпой хорошей.
Мать его не отпускала,
И жена страшала мужа:
„Не ходи на пир в Пяйвелу, —

Гам три смерти на дороге!
„Мать моя, родительница,
Расскажи о первой смерти!“
„Мой единственный сыночек,
Вот пройдешь пути немного.
На дороге, недалеко,
Водопад придет навстречу.
Огненный утес стоит там,
А на нем горит береза,
На березе сук пылает,
На суку сидит орлица.
Когти точит та орлица,
Зубы точит на героев.
Сто мужчин она убила,
Тысячу мужчин убила,
И тебя съест, Леммингяйне!“
Леммингяйне молвил слово:
„Эта смерть не для мужчины,
Не геройская то гибель,
Смерть вторую укажи мне!“
„Вот пройдешь пути немного,
На дороге, недалеко,
Поперек змею ты встретишь;
Та змея бревна длиннее,
Толще, чем столбы в избушке.
Сто мужчин змея убила,
Тысячу мужчин убила,
И тебя съест, Леммингяйне,
Лишь тебя ждет, Леммингяйне!“
Леммингяйне слово молвил:
„Эта смерть не для мужчины,
Не геройская то гибель,
Смерть последнюю скажи мне!“
„Мой единственный сыночек,
Там, вокруг дворов Пяйвелы,
Изгородь есть из железа, —

Ящерицами обвита,
Змеями обвязана вся,
От земли она до неба.
Волки там в уздечках бродят
И медведи на цепях там!
Молвит хитрый Леммингяйне:
„Принеси, жена, одежды!“
Вот тетерку Леммингяйне
Подстрелил среди березок
И подбросил в пасть орлице,
Убивавшей бородатых,
Всех мужчин, героев смелых;
Сам уже шагает дальше.
И пройдя пути немного,
По дороге, недалеко,
Поперек змею он видит.
Но проходит он в Пяйвелу.
Изгородь там из железа,—
Ящерицами обвита,
Змеями обвязанная,
От земли она до неба.
Волки там в уздечках бродят
И в цепях режут медведи.
Из ольхи напел им жертву;
Сам уже вперед шагает.
Он пришел на двор Пяйвелы;
Там уж кончилась пирушка,
Справили уже там свадьбу;
В поленницу рюмки ставят.
В домик маленький он входит
И встает он у порога,
Меж двумя встает котлами,
Где находится три крюка.
Пяйвэтэр, хозяйка дома,
Кружку пива приносила, —
И у кружки той две ручки,

В ней — вода, а сверху — пена,
Посреди огонь искристый.
Леммингяйне, хитрый парень,
Из ножни хватает ножик,
Очень острое железо.
„Выброшу я сор из пива,
Пиво же я сам все выпью!“
Вот уж выпил он то пиво,
Черный мед себе на радость.
Молвил Ахти Суарелайне:
„Почему пришел незванным,
Раз на пир тебя не звали?“
Леммингяйне, хитрый парень,
Сам такое слово молвил:
„Хоть хорош ты, званный гость здесь,
А не званный-то ведь лучший!“
Тут-то Ахти Суарелайне
Белого напел зайчонка —
С потолка там сыпать сажу
Леммингяйнenu на темя.
Леммингяйне, хитрый парень,
Белку красную напел там,
Чтобы съесть того зайчонка,
Чтоб не сыпал сверху сажу.
Но тот Ахти Суарелайне
Озеро напел там на пол;
Леммингяйне, хитрый парень,
Воду пить быка напел там,
Бык все озеро то выпил.
Леммингяйне, хитрый парень,
Всех позвал на двор скорее:
„Измерять мечи пойдемте,
Заодно щиты осмотрим,
У кого мечи получше,
У кого щиты красивей!“
Леммингяйнена оружие

Было лучше и красивей.
Молвил Ахти Суарелайне:
„Слышал я такое чудо,
Видел, знаешь, чудеса я,
В Емьский край на емь ходивши.
Жеребец на елке спал там,
Белками пахали поле,
Там котлами лес рубили,
Топорами суп варили!“
Леммингяйне, хитрый парень,
Отвечал такую речью:
„Чудеса я также слышал,
Видел также чудеса я,
В Емьский край на емь ходивши
Гам у еми бык большой был,
Жирный бык у финнов-еми.
День тут ласточка летала
Меж бычачьими рогами,
Но за день не долетела.
Целый день бежала белка
По хвосту быка большого,
Но за день не добежала.
Мясника уже позвали
Убивать быка большого.
Бык мотнул тут головою,
Черные глаза нахмурил,
И мясник на ель взлетает,
В верестняк летит он носом.
Там такое слово молвил:
„Я еще приду второй раз!“
И пришел мясник второй раз,
И ударил по быку он.
Черные глаза скатились,
Крови лодок семь там вышло,
Кишек вышло сотня сажен,
Мяса тысяча пудов“.

Анни, дочь единственная,
 Стиркой маленькой занялась
 И белье все полоскала;
 На мосточке полоскала,
 На мосточке длинном мыла.
 Замечала в море точку,
 На волнах морских синееет:
 „Коли там лишь птичья стая
 Пусть та стая разлетится,
 Коли там поднялась рыба —
 Пусть те рыбы уплывают,
 Коли там подводный камень —
 Пусть вода покроет сверху,
 Коли в лодке Вейнемейне —
 Пусть сюда он подплывает
 Побеседовать со мною!“
 Вот уж Анни вопрошает,
 С грудью, оловом покрытой:
 „Ты куда собрался, Вейне,
 Ты куда, жених с Сувандо?“
 „Лосося ловить поехал
 Из реки Туони черной,
 Из пучин Маналы мрачной“.
 „Вижу ложь в твоём ответе,
 Замечаю, что ты лжешь мне:
 Иначе отец мой раньше,
 Иначе родитель старый
 Лосося ловить здесь ездил
 В лодке, что полна сетями,
 В лодке, что полна снастями,
 Снаряженной острогами“.
 Все-то Анни вопрошает,
 С грудью, оловом покрытой:
 „Ты куда собрался, Вейне,

Ты куда, жених с Сувандо?
„Лебедей ловить поехал
Из реки Туони темной,
Из пучин Маналы мрачной!“
„Вижу ложь в твоём ответе,
Замечаю, что ты лжешь мне:
Иначе отец мой раньше,
Иначе родитель старый
Лебедей ловить здесь ездил,
На цепи держал собаку,
Лук тугой он брал с собою!“
Все-то Анни вопрошает,
С грудью, оловом покрытой:
„Ты куда собрался, Вейне,
Ты куда, жених с Сувандо?“
„Девушку смотреть поехал,
Подрастающую деву,
Взяв из Похьелы той темной,
Уведя из Табиолы!“
Анни, дочь единственная,
В горсть подол свой подобрала,
По крутым горам бежала,
По низинам пошагала.
В кузницу вбежала Анни:
„Ах, кузнец, мой братец милый,
Вековечный ты кователь,
Уведут твою невесту,
Взяв из сумрачной Похьелы,
Взяв из темной Табиолы!“
Выпали из рук уж клещи,
Молоток из рук уж выпал.
Жеребца кузнец впрягает
Перед красными санями.
Жеребца пругом ударил
Он кнутом с жемчужной ручкой.
Жеребец бежал дорогой,

И дорога сокращалась.
Вот собака стала лаять,
Молвит в Похьеле старуха:
„Посмотреть иди, служанка!“
„Некогда смотреть, хозяйка,
Жернова верчу большие,
Мелкую муку мелю я!“
Молвит в Похьеле старуха:
„Ты иди смотреть, работник,
Что там тьякает собака,
Городской что пес там лает!
Не напрасно пес там лает,
Сторож острова — собака.
Ты иди смотреть, служанка,
У порога в щель взгляни ты,
Посмотри из щели узкой!“
Девушка смотреть походит,
Посмотрела в щель снаружи,
В щелку узкую смотрела.
Был один там — Вейнемейне,
И кузнец был Илмойллине,
Вековечный тот кователь.
Шли они смотреть девицу,
Подрастающую деву.
Молвил им старик Похьелы,
Молвила старуха Похьи:
„Лишь тогда дадим девицу,
Коли сделаете сампо!“
И кузнец тот Илмойллине,
Вековечный тот кователь,
Там ковал один день, два дня,
И уже на третий день там
К вечеру они готовят,
Приготавливают сампо.
Не дают им Анникки,
Ту красотку Славникки.

Старый верный Вейнемейне
Так надумал им на это:
Начал петь свои он песни.
Пел он день, и пел второй день,
Третий день он пел те песни
К вечеру он усыпляет
Старика Похьелы мрачной,
И старуху той Похьелы, —
Всю Похьелу силой песни.
И спустя три дня таких же
Та старуха Похьелайне,
Та слепая Улмолайне,
Просыпается и видит:
„Уж исчезла их Анникки,
Матери - отца Славникки!“
Вот старуха полетела.
День летала, два дня целых.
И на третий день в полете,
Вечером, крыло старухи
Вейнемейнена коснулось.
Старый верный Вейнемейне
Огниво схватил скорее,
Взял скорее кремень в руки,
И огонь небесный старец,
Вейнемейне, высекает,
Три пера взяв от орлицы.
Пять раз искру высекает,
Пала огненная искра
И прошла сквозь твердь земную,
Сквозь три пестрых крышки тверди,
Сквозь отверстие для дыма,
И сквозь люльку для ребенка.
Обжигал огонь грудь деве,
Матери спалил сосочки.
В Ману девушка собралась,
Но не время ей в Маналу.

„А куда огонь пошлем мы,
Пламя белое запрячем?“
Вот огонь бросали в море,
Пламя белое на волны.

4.

Вот уж юный Иоукахайне
И тот старый Вейнемейне
Друг на друга наезжали.
И дуга с дугой сцепились,
И гужи переплетались, —
Из дуги той кровь струилась,
Из гужей же жир закапал.
Молвил юный Иоукахайне:
„Эй ты, старый Вейнемейне,
Кто из нас поменьше знает,
Тот дорогу пусть уступит!“
Ну, а старый Вейнемейне
Тут такое слово молвил:
„Хоть я и не много знаю,
Все же знаю я маленько:
Это я взрыхлил здесь землю,
Выкопал озера рыбам,
Свод небесный я наладил,
Приобрел я много слов здесь,
Слов тех много тысяч кучек!“
Вот уж старый Вейнемейне
Иоукахайнена младого
Утопил до плеч в болото,
До затылка в луг болотный,
И под бор тот до подмышек.
Молвил юный Иоукахайне:
„Ой ты, старый Вейнемейне,
Возврати слова святые,
Ты сними с меня заклятья,
Трудно мне здесь находиться,

И меня уж в жар бросает!“
„Что за это мне подаришь?“
„Золота дам, сколько хочешь,
Серебра мешочек полный“.
„В золоте я не нуждаюсь,
Серебра я не желаю, —
Тускло золото у шведов,
Серебро саксонцев тускло!“
Молвил юный Иоукахайне:
„Возврати слова святые,
Ты возьми назад заклатья,
Трудно мне здесь находиться,
И меня уж в жар бросает!“
„Что подаришь мне за это?“
„Жеребца хорошенького!“
„Жеребца я сам имею,—
Он красивее в два раза,
В пять раз более известен.
Воду пить бежит он, резвый,
И бегом спешит обратно.
На хребте вода струится,
На спине блестит озерко.
Травку кушает повсюду
И из облака пьет воду“.
Молвил юный Иоукахайне:
„Возврати слова святые,
Ты бери с меня заклатья,
Трудно мне здесь находиться,
И меня здесь в жар бросает!“
„Что подаришь мне за это?“
„Дам сестру единственную,
Выдам матери дочурку,
В жены старцу Вейнемейне,
Замуж за тебя, дрожащий,
И под старость на утеху“.
Старый верный Вейнемейне

Иоукахайнена младого
Поднял силой двух ладошек,
Поднял силой кантелиста.
Иоукахайне в путь пустился,
Едет-поспешает юный,
Голову склонив печально.
Мать сидела у окошка,
У сынка она спросила:
„Что же ты, сыночек милый,
Голову склонил печально?“
„Потому, моя родная,
Голову склонил я низко,
Что сестру единственную,
И твою я дочку, выдал
В жены старцу Вейнемейне,
И дрожащему в подруги,
И под старость на утеху“.
„Ах, давно я ожидала
Вейнемейнена в зятя мне,
В род мой витязя большого.
Песнопевца нашим детям“.

5.

Вот уж едут в пестрых санках.
И на лодке проплывают,
Мимо Новгорода едут,
По земле, тайге и морю.
В Похьеле старуха злая
Вдруг в постели закричала,
Пробудилась и спросонок
Слово молвила такое:
„Дочка Хийзи маленькая,
Бледнолицая девица,
Ты иди смотреть скорее,
Что же это лает песик!
Городской ли пес там лает

На меже моих владений!
Та служанка маленькая,
Бледнолицая девица,
Слово молвила такое:
„Едут, вижу, в пестрых санках,
Из-под Новгорода едут,
По земле, тайге и морю!“
Это старый Вейнемейне
Брать с собой пришел девицу,
Дочку Хийзи маленькую,
Бледнолицую девицу.

6.

Жил-был юный Иоукахайне,
Он шагал, он топал смело,
На плечах топорик малый,
Маленькие санки сзади.
Молвит старый Иоукахайне:
„Сын отца, куда идешь ты?
Хочешь ли, в широком поле
Постреляем из пищалей?“
Вот уж юный Иоукахайне
Выстрелил тут раз, другой раз,
Но лишь в цель не попадает.
Выстрелил тут Иоукахайне
И ботву у репы срезал,
Выстрелом из той пищали.
„Так стрелял отец наш раньше!“
„На войну теперь пойдем мы?“
„На войну пойдем большую,
Где на землю кровь пускают,
Вместе с русскими пойдем мы
В край красивый чужедальний!“
Тут в России сын родился,
Здесь, в Карелии, красивый;
Власть родного брата знал он,

Старшему он был послушен.
На войну нужны герои,
Там в солдатах есть потребность
Летом, на войне великой,
И при заморозках зимних.
На войне — дела большие,
Там с трудом находят счастье.

7.

Хитрый парень Леммингяйне
Лыжи осенью готовил,
Их обтачивал зимою,
Палки же весной готовил.
Приготовлены уж лыжи,
И прилажены к ним палки.
Бросил он на снег те лыжи
И принес две лыжных палки,
Рядом с лыжами поставил.
С мех лисы ценою палка,
А другая стоит марку.
Молвил хитрый Леммингяйне:
„Нет таких существ в лесу здесь,
Кто бы не был мной обогнан,
Пусть летит тот хоть на крыльях,
Либо бегают, как звери!“
Те слова услышал Хийзи,
Услыхали все Ювттахы,—
Лося Хийзи сотворили,
Ювттахы творили лося,—
Голову из кочки сделав,
Из валежника все тело,
Ноги же из кольев сделав,
Уши из цветов озерных,
А глаза — цветок болотный.
„Ты беги, беги, лось Хийзи,
Ты беги, олень мой славный,

По полям сынов лапландских,
Ко дворам Похьелы мрачной.
Опрокинь костер сильнее,
Варево всплесни на землю,
На песок уху всю вылей,
Мясо же в золе запачкай!“
Тут залаял пес в Похьеле,
И заплакали девицы,
Женщины же засмеялись,
Удивлялись все в Похьеле.
Слышал хитрый Леммингяйне,
Что все женщины смеются,
Что заплакали девицы,
Что залаял пес в Похьеле.
Молвил он, на лыжах стоя,
Вопрошал он так на лыжах:
„Почему смеются бабы,
Почему девицы плачут?“
Молвят женщины Похьелы:
„Пробежал здесь лось от Хийзи,
Пробежал олень прекрасный,
Опрокинул он костер здесь,
Варево всплеснул на землю
И уху в песок он вылил,
Мясо же в золе запачкал“.
Тут-то хитрый Леммингяйне
Сам такое слово молвил,
Собираясь в путь на лыжах:
„Нет таких существ в лесу здесь,
Кто бы не был мной обогнан!“
Вот уж хитрый Леммингяйне
Первый раз тут оттолкнулся
И исчез он с глаз на лыжах.
Он второй раз оттолкнулся,
И уже не стал он слышен.
Третий раз он оттолкнулся

И вскочил на спину лося,
Он к тому оленю прямо.
И тот хитрый Леммингяйне
Лося гладил мирно спину,
По спине похлопал лося,
Клеть кленовую он сделал
И дубовую конюшню.
Молвил хитрый Леммингяйне:
„Хорошо бы здесь поспать мне
Вместе с молодой девицей,
Щекотать ее подмышкой
На спине такого лося,
Прямо на оленьей шкуре“.
Гут разгневался лось Хийзи;
Гневается, сердится он,
Клеть кленовую ломает,
Ту дубовую конюшню.
Так-то убежал лось Хийзи,
Убежал олень прекрасный.
Вот уж хитрый Леммингяйне
Оттолкнулся тут на лыжах,—
Поперек сломал он лыжи,
Также палки разломал он.

8.

Был кователь Илмойллине.
Молвил матери кователь:
„Мать моя, родительница,
Натопи скорее баню
Лишь медовыми дровами,
И найди-ка мне рубашку,
Тканную на трех куделях,
Сквозь кольцо протянутую!“
„Ты куда, сынок мой, едешь?“
„К Хийзи в гости я поеду,
Свататься к его дочурке.

Что три года сватается,
Что два года продается,
Что на белки покупают,
Лишь князя приобретают, -
К Аннушке единственной“.
„Не ходи, сыночек милый.
Многие туда ходили,
Но никто не возвращался;
Сотня кольев в землю вбита
На дворе у Хийзи Хитто.
Лишь один там кол не занят,
Головы ждет кузнецовой!“
„Нет, пойду я все же, мама,
Не страшай меня ты этим!“
Баню мать приготавлила,
Натопив дровами с медом.
„Вымой волосы льняные,
Шею, как яйцо от куры,
Тело хорошенько вымой!“
Женихом кузнец оделся
И отцу кузнец промолвил:
„Запряги лошадку-лося,
Соловьев заставь дорогой
В санках трелью разливатьсья,
Куковать заставь кукушек
И собак згставь мне лаять!“
Свататься кузнец поехал
Со своим отцом по морю.
Иоукахайнена встречает.
Юный Иоукахайне молвит:
„Эй, кузнец, посторонись-ка!“
Встречному кузнец ответил:
„Сторонить коня не буду!“
На сбрую кузнец наехал
Иоугамойнену младому.
И дуга у Иоукахайне

Из упряжки тут слетела.
А кузнец-то дальше едет,
Дальше — вдоль по морю едет.
Соловьи поют на славу,
И кукушечки кукуют,
И собачки звонко лают.
Вот пошла дочь Хийзи Хитто
За водой на берег моря.
Слышит, как кузнец оттуда
Вдоль по морю подъезжает.
В домик свой вбегает Анни.
И отцу так молвит Анни:
„Го ли близится пожар там,
То ли там войска подходят:
Соловьи поют там, слышно,
И кукушечки кукуют,
И собачки звонко лают!“
Дочери отец ответил:
„Это не пожар там виден,
Это не войска подходят:
Го кователь Илмойллине
В женихи сюда стремится!“
Вот уже кузнец у Хийзи,
Во дворе у Хийзи Хитто.
И вошел кузнец в избушку.
„Выдаешь ли в жены Анни?“
Отвечает Хийзи Хитто:
„Нет, еще не выдам Анни,
Поле с гадами вспаши здесь
Ты своей лошадкой-лосем,
Руки чтоб — без рукавичек,
Ноги чтобы — без сапожек,
И без шапки на головке!“
Тут пахать кузнец уходит.
Поле с гадами вспахал он
На своей, как лось, лошадке,

Он вспахал без рукавичек,
Без сапожек на ножонках,
С непокрытой головою.
Подошел кузнец к избушке.
„Выдашь ли теперь мне Анни?“
„Нет, еще не выдам Анни,
Вот вспаши еще раз поле
Ты своей, как лось, лошадкой;
Сделай изгородь на поле,
Змей используй ты жердями,
Ты из ящериц ставь колья,
Ставь медянок пугалами,
Всем хвосты оставь болтаться,
Головы оставь шипеть им!“
Сердится кузнец на Хийзи,
Пашет он второй раз поле
Той своей, как лось, лошадкой;
Изгородь он изготовил
На том поле каменистом,
Змей использовал жердями,
Ящериц же вместо кольев,
А медянок пугалами.
И пришел кузнец сердитым.
„Выдашь ли уже мне Анни?“
Молвит Хийзи Хиттойлайне:
„Нет, еще не выдам Анни,
Принеси мне рыбу-щуку
Из реки, реки Туони,
Что длиною в три сажени,
Шириной же в две сажени;
Лишь тогда я выдам Анни!“
Сердится кузнец на Хийзи,
Очень сердится на Хийзи.
Но идет к реке Туони;
Крестится кузнец на запад,
На восток он шлет молитву.

И тогда там град посыпал, —
Конской головы поменьше,
А яиц куриных больше.
Щуку к берегу пригнал град.
Взял кузнец на плечи щуку,
Хвост он по земле волочит.
Щуку ту принес он к Хитто
И на стол ему тут бросил —
Был сердит кузнец на Хитто,
Пополам стол раскололся.
„Выдашь ли уже мне Анни?“
Кузнеца глотает Хитто.
И кузнец там, в чреве, молвит:
„Ах, отец, отец родимый,
Ты иди, спроси мамашу,
Выйти ли отсюда рвотой?
Нахожусь я в чреве Хийзи!“
Вот отец домой приехал,
Говорит он так мамаше:
„Ведь кузнец наш в чреве Хийзи,
Выходить ли через рвоту?“
Говорит отцу мамаша:
„Пусть он рвотой не выходит,
Пусть выходит он из чрева!“
Тут пришел отец обратно,
Кузнецу отец промолвил:
„Через рвоту кто выходит?
Выходи из чрева прямо!“
Молвит Хийзи Хиттойлайне:
„Выхода нет здесь из чрева,
Уж я выдам тебе Анни“.
Анни также умоляет:
„Ты отца здесь не губи мне,
Выйду за тебя я замуж!“
Но кузнец не верит Анни,
Нож кует себе кузнец там

В чреве Хийзи Хиттойлайне.
Взяв колено наковальной,
Кулачки молотками
И рубашку взяв мехами.
Ножик он сковал в том чреве
В чреве Хийзи Хиттойлайне
Хийзи Хиттойлайне просит:
„Не губи меня, кователь,
Выдам же тебе я Анни!“
Но кузнец ему не верит,
Вскрыл он чрево тому Хийзи,
И пошел кузнец в избушку.
„Собирайся, Анни, в санки!“
Анни кузнецу так молвит:
„Нет, не соберусь я в санки.
Раз отца мне погубил ты,
Заодно меня убей ты!“
Но кузнец ей так ответил:
„Я губить тебя не буду!“
Тут пришлось собраться Анни.
Вот кузнец поехал с Анни,
В путь направился по морю;
Посредине моря едет.
Анни санки разломала,
Пятками копылы сбила;
Песню спел тогда кователь,
Санки новые возникли,
Не могла она сломать их.
Анни — прыг ершом в глубь моря,
Но кузнец за нею щукой.
И ершу так молвит щука:
„Повернись ко мне ты, Анни,
Скушаю тебя ершом я!“
Ерш же отвечает щуке:
„Нет, к тебе не повернусь я,
Ешь с хвоста, коль можешь скушать!“

Но не мог ерша он скушать.
„Коль не хочешь повернуться,
То тебя я проклинаяю.
Проклял бы тебя вороной,
Но ведь будешь знаменитой
Проклял бы тебя сорокой,
Но ведь будешь знаменитой.
Нет, не стать тебе вороной,
Нет, не стать тебе сорокой.
Будешь ты всего лишь чайкой
На морских песках метаться
И стонать при встречном ветре.
Сети рвать всем рыболовам!“
Проклял он ее тут чайкой,
Там стона ь — при встречном ветре.
Рыболовам сети портить.

9.

Сын у матери родился,
Старшие смотрели косо.
На меже отец оставил,
Мать сына на лед бросала
Сын остался, как зайчонок,
На болоте забавляться,
На большом пожоге плакать
На болоте был он найден.
Мать тому сынку искали
И отца ему искали;
Не нашли сынку мамаша,
Не нашли отца сыночку.
Молвил старый Вейнемейне:
„По головке бы дубиной,
Либо жердью по головке!“
Молвил двухнедельный мальчик,
Двухнедельный сын Калевы:
„Ах, какой ты, жалкий старец,

Ах, какой ты, Вейнемейне,
Как меня ты плохо судишь,
Нарушаешь все законы!
Ведь тебе же самому-то
Голову не раздробили
Ни дубиной и ни жердью,
Хоть ты мать свою позорил,
Проходя здесь по пригорьям".
Молвил старый Вейнемейне:
„Пусть крестят тогда сыночка
Королем лесной Меччелы,
Сторожить на горке деньги!“
Двухнедельный этот мальчик,
Двухнедельный сын Калевы,
Белочку поймал на елке,
На сосне с хвостом пушистым.
Вырастил из белки лошадь,
Девять всех морей проехал
И десятое проехал.
Вот он ехал тундрой мрачной.
Пробегала день лошадка
По концам иголок женских,
И другой день пробегала
По отточенной секире,
Третий день уж пробегала
По мечам мужским и острым.
Пробежала так далеко.
Наконец уж Лиза Вибу
В развевающихся платьях
Сделку заключила с парнем,
Получила ту лошадку,
Но лишь править не умеет:
Мимо камня не проедет,
Прямо на скалу несется,
На сосну лишь норовит все
Наконец уж Лиза Вибу

Голову коню разбила,
На скалу мозги бросала.
Так родился - появился,
Вырастал так сын Калевы.

10.

И того сынка Калевы
Здесь, в Карелии, наняли
На земле спокойной русской;
Двух котлов обломки дали,
Кос пяток в придачу дали,
Шесть мотыг дрянных, ненужных
Вот уж мальчик, сын Калевы,
Слово вымолвил такое:
„На какой работе раб здесь
Купленный полезен будет?“
Послан он смотреть ребенка:
„Накорми и сам покушай!“
Накормил — и сам покушал,
Слово вымолвил такое:
„На какой еще работе
Купленный полезен будет?“
С неводом грести послали.
Там такое слово молвил:
„Буду ли грести я с силой,
Или же как все гребут здесь?“
Рулевой, Венари-парень,
Вместе с парнем Пеланена,
Слово вымолвил такое:
„Ну, какой гребец в том парне,
Кто гребет веслом без силы,
Кто гребет, как все гребут!“
Греб, — уключины сломались.
Лодка у вдовы распалась,
Все кокоры обломались.
Сам такое слово молвил:

„На какой еще работе
Купленный полезен будет?“
К неводу ботать послали.
Он такое слово молвил:
„Буду ли ботать я с силой,
Или же как все ботают?“
Рулевой, Венари-парень,
Вместе с парнем Пеланена,
Слово вымолвил такое:
„Ну, какой гребец в том парне,
Кто не с силою ботает,
Кто ботает осторожно!“
Он сосну схватил боталом,
Камень прикрепил к концу он.
В клочья невод обратил он,
Воду размешал и вспенил,
Рыбой он котел наполнил,
Рыбу он носил руками.
Сам такое слово молвил:
„На какой еще работе
Купленный полезен будет?“
Подсеку рубить послали.
Два-три дерева срубил он,
И на пень он поднимался:
„Где теперь мой голос слышен,
Пусть там подсека валится,
Чтоб ростки не разрастались.
Чтобы пни не вырастали
Здесь, на подсеке Калевы!“
Сам такое слово молвил:
„На какой еще работе
Купленный полезен будет?“
Пастухом его послали,
Пять коров пасти послали
Около восьми деревьев.
Ходит солнце через ельник,

И проходит бор сосновый,
Долго березняк проходит,
Пробегают верестняк.
А хозяйка-то кричит там:
„Время уж тебе покушать;
Купленный, покушай хлеба!“
Тут-то сын с земель Калевы
Полоснул свой нож о хлебец,
Камень он ножом задел там.
„Сювятэр, хозяйка злая,
Запекла в мой хлебец камень,
Сверху лишь намазав тестом.
Сломан нож теперь об камень,
Я скалу ножом задел здесь!“
И еще он так промолвил:
„Как я отомщу злодейке, —
За насмешку злой старухи,
За хозяйские обиды?
Отомщу я как могу лишь!“
А хозяйка-то смеется:
„На рожке пастух играет,
Где купил рожок, бедняга?“
Тут уж сын с земель Калевы
Всех коров в лесу оставил:
Молоко дающих — в роще,
Всех рогатых — у осины,
Златорогих всех — у елок.
Он пригнал домой медведей:
„Слушай, бывшая хозяйка,
Ты иди доить коровок!“
Вот уж бывшая хозяйка,
Шла доить своих коровок,
Молоко доить в подойник.
Белое доить в подойник.
Волк бросался на нее тут,
И медведь хватал хозяйку.

Ноги оторвал хозяйке,
Руки до подмышек вырвал,
Уши вырвал у хозяйки.
Тут хозяйка так кричала:
„Ах, старик, всевышний боже,
Ах ты, наш отец небесный,
Облако пошли на запад,
А другое на восток шли
И убей сына Калевы!“
Слышал это сын Калевы,
Сам такое слово молвил:
„Эй, старик, всевышний боже,
Эй ты, наш отец небесный,
Облако пошли на запад,
С неба дождь пошли врагам всем,
Чтоб огонь потух в их пушке,
Чтоб враги в нас не стреляли
Летом, на войне великой,
В год тяжелый, при сраженьях!“
Молвил сын с земель Калевы:
„Слышал я про чудеса там,
Видел я там чудо юдо,
Посетив ту землю „еми“.
Был у „еми“ бык огромный,
Жирный бык — в том финском крае
Уж не так он и огромный
И не так уж маленький он,
Был теленком от коровы.
День там ласточка летела
Меж бычачьими рогами—
И едва лишь долетела.
Месяц белочка бежала
По хвосту быка большого,—
До конца не добежала,
На хвосте том отдыхала
И потом лишь добежала.

Там уж мясника искали,
Пожелав быка зарезать.
Резать стал быка там старец,
Палване держать быка стал.
Вироканнас разрезать.
Головой тот бык ботнул их,
Черными сверкнул глазами, —
И старик на ель взлетает,
Палване летит на иву,
Вироканнас же на пень.
С ели закричал тот старец.
Палване кричал у ивы,
Вироканнас же у пня:
„Вот уже приду второй раз, —
Крови будет на семь лодок,
Сто пудов тут мяса будет,
Жиру шесть бочонков будет!“
Вот второй раз он приходит,
Зубы тот старик уж точит,
Палване быка там держит,
Вироканнас разрезает.
Крови вышло на семь лодок,
Сто пудов тут мяса стало,
Жиру шесть бочонков стало.

11.

Куллерво был сын Калевы,
На войну пошел сражаться,
Сам такое слово молвил:
„Эй, старик, всевышний боже.
Управитель облаков всех,
На войне храни меня ты,
На большой войне храни нас,
Жеребца мне сохрани ты!
Старец, золотой король наш,
Управитель облаков всех.

Облако пошли на запад,
Дождь пошли там на врагов всех,
Пусть там порох отсыреет,
Чтобы пушка не стреляла
И огнем враг не сразил бы,
Голова с плеч не скатилась,
Тонкий волос не упал бы,
На войне великой этой,
Где герои бьются насмерть.
Мать творца, Мария-дева,
Золотую ткань сотки мне,
Медную броню сотки мне,
Под которой спал бы я здесь,
И которую держал бы,
И в которой воевал бы,
Убивал бы всех врагов там!
Голова чтоб не скатилась,
Тонкий волос не упал бы".
Куллерво, тот сын Калевы,
На войну пошел сражаться,
Сам такое слово молвил:
„Старец, золотой король наш,
Старый наш отец небесный,
Скуй мне в руки меч хороший,
Ты отлей-ка медный меч мне,
Чтобы я сразил всех гадов
И прогнал бы всех врагов здесь
Из своей земли родимой,
За рубеж земель отчизны!“

12.

Куллерво, тот сын Калевы,
Парень в синеньких чулочках,
Златокудрый и нарядный,
И в красивеньких сапожках,
Дочь у матери испортил,

Он свою сестру испортил.
„Ну, куда тут убегу я,
Где я скрою грех великий?
Я сосной на бор пошел бы, —
На бору сосну ту срубят,
На дрова сосну разрубят
И в костер дрова те сложат, —
Так не очень-то приятно.
Щукой я нырнул бы в воду,
Но хозяин той Похьелы,
Много он сетей там вяжет,
С сотнями ячей те сети, —
Не хочу попасть в те сети.
Ну, куда я, бедный парень.
Ну, куда пойду отсюда?“
Плыть направился по морю.
День плывет, плывет второй день,
И плывет уж день он третий
Через Лэксы полноводье
И саксонские проливы.
Видит остров у пролива.
Место видное на море.
Куллерво, тот сын Калевы,
Парень в синеньких чулочках,
Тут такое слово молвил:
„Где на острове есть место,
Чтобы вытащить мне лодку,
На сухом поставить месте,
К стапелю стальному лодку,
Либо к литому из меди?“
Девы острова сказали:
„Есть на острове здесь места,
Будь с тобой хоть сотня лодок.
Хоть бы тысячу привел ты“.
Девы острова встречали
В узкой горнице героя.

Здесь осматривал девиц он,
Выбирал красивейшую,
С длинными косами деву.
Куллерво, тот сын Калевы,
Парень в синеньких чулочках,
Златокудрый и нарядный,
И в красивеньких сапожках,
День смотрел, второй смотрел ...
Уж осматривал день третий:
Тут и Даша, тут и Маша,
Тут и душечка Авдотья.
Но Авдотья всех хитрее,
За водой она сбежала
И ушат на плечи взяла,
В руки ковшик она взяла.
Куллерво, тот сын Калевы,
Парень в синеньких чулочках,
Златокудрый и нарядный,
И в красивеньких сапожках,
За Авдотьей побежал тут
В тоненьких своих чулочках,
В легоньких своих сапожках.
В воду лодку оттолкнул он,
Вместе с ним Авдотья едет;
Парус подняли на лодку,
Полотно на мачту лодки.
До тех пор девицы плачут,
Как виднеется там мачта.
Они плачут не о мачте,
А о парне, что у мачты.
Куллерво, тот сын Калевы,
Парень в синеньких чулочках.
Едет день, второй день едет
И уже день третий едет
По саксонским тем проливам
И по Лэксы полноводью.

Мать сидела у окошка,
Увидала в море точку,
Лодку ту на волнах синих.
„Возвращается сынок мой
Из саксонских тех проливов
И из Лэкса полноводья.
Только что-то он привозит:
Птицу ли везет летунью,
Или яблоко такое,
Что домашний труд наш любит?
Что то приобрел мой мальчик?“
Сын такое слово молвил:
„Из Саксонии привез я,
Из Стокгольма приобрел я
Для себя свою хозяйку“.

13.

Куллерво, тот сын Калевы,
На большом играл болоте,
На бору трубил в трубу он.
Вздروгнули земля, болото,
Бор с известием навстречу:
„При смерти отец твой дома!“
„Я найду отца такого
В Шуньге, на больших проулках,
Там—на ярмарках округи!“
Куллерво, тот сын Калевы,
На большом играл болоте,
На бору трубил в трубу он.
Вздروгнули земля, болото,
Бор с известием навстречу:
„При смерти твоя мать дома!“
„А найду я мать такую
В Шуньге, на больших проулках,
Там—на ярмарках округи!“
Куллерво, тот сын Калевы,

На большом играл болоте,
На бору трубил в трубу он.
Вздروгнули земля, болото,
Бор с известием навстречу:
„При смерти твоя жена там!“
„Ах, несчастье-то какое,
Я теперь несчастный парень!
Кто даст чистую одежду,
Кто теперь калач спечет мне?“

14.

Куллерво, тот сын Калевы,
На войну пошел играя,
Убивать на поле брани.
На болото шел играя,
На бору перекликался.
Вздروгнули земля, болото,
Бор навстречу попадался.
Вслед за ним пришло известье:
„Там отец твой умирает—
На войне великой шведской,
Там—на ярмарках округи“.
Куллерво, тот сын Калевы,
На войну пошел играя,
Убивать на поле битвы.
На болото шел играя,
На бору перекликался.
Вздروгнули земля, болото,
Бор навстречу попадался.
Вслед за ним пришло известье:
„Вот уж при смерти твоя мать!“
Куллерво, тот сын Калевы,
На войну все шел играя,
Убивать на поле брани.
На болото шел играя,
На бору перекликался.

Вздогнули земля, болото,
Бор навстречу попадался.
Вслед за тем пришло известье:
„Там жена твоя при смерти!“
„Ах, несчастье какое!“
Куллерво домой приходит,
Говорит, придя к супруге:
„Ты не умирай, младая, —
Кто даст чистую одежду,
Кто теперь калач спечет мне?“

15.

Куллерво, сынок Калевы,
Парень в синеньких чулочках,
Златокудрый и нарядный,
В бегство собирался спешно
От своих грехов скрываться:
Дочь у матери испортил,
Погубил свою сестрицу. ■
„Ты в реке будь щукой серой!“
„Лембо пусть там будет щукой,
Пусть плывет он щукой серой!
Там хозяин той Пяйвелы
Навязал сетей несчетно,
С сотнями ячей вязал их,
В сети щуку он поймает“.
Куллерво, тот сын Калевы,
В синих тонких облаченьях,
В бегство собирался спешно.
„Ты иди сосной на горку,
Будь березой в поле чистом,
На бору сосной рождайся!“
„Лембо пусть сосной там будет,
Пусть он будет той березой,
Вырубаемой на бревна,
Разрубаемой для печки!“

Куллерво, тот сын Калевы,
Парень в синеньких чулочках
И в одеждах синих, тонких,
Златокудрый и нарядный,
В бегство тут пустился спешно
От своих грехов скрываться.
Парус на ладью наладил,
Полотно на парус лодки.
К острову большому ехал,
Девам острова сказал он:
„Есть ли здесь на островочке
Место, чтоб ладью поставить,
Лодку вытянуть на сушу?“
Молвят девы островочка:
„Есть на острове здесь места,
Чтобы здесь ладью поставить,
Лодку вытянуть на сушу,
Будь с тобой хоть сотня лодок,
Хоть бы тысячу привел ты
К стапелям своим отцовским,
Что отец твой приготовил“.
С сотней девушек сошелся
За одну ночь летнюю.
А мужья мечи уж точат
Вточь по шее богатырской.
В бегство обратился снова.
Оттолкнул он лодку в воду,
Сто судов на волны вывел.
До тех пор рыдали девы,
Лодка им пока виднелась.
Плакали ведь не о мачте,
А о парне, что под мачтой.
Куллерво, тот сын Калевы,
Тут под новый город ехал,
Ехал под враждебный Выборг.
И туда писал он спешно,

Грамоту туда послал он:
„Есть ли в городе нам мяса,
Маслом Вонмари богат ли,
Чтоб голодному покушать,
Голодающему парню.
Молвит женщина оттуда:
„Нет здесь в крепости вам мяса,
Нет у Вонмари здесь масла,
Чтобы кушал муж голодный,
Чтобы съел нуждающийся;
Изнурился черный мерин,
Подыхает белый конь здесь,
На обед тебе, такому,
В пищу для когтей кровавых!“
Из ружей стрелять заставил
Благородным лукам в помощь;
Стены крепости разбились,
С грохотом стреха упала.

16.

Куллерво, сынок Калевы,
Едет-едет, поспешает,
Двигается спешно морем,
По просторам вод широких,—
Девушка идет навстречу,
Девушка скользит на лыжах.
„Приходи, девица, в сани,
Сядь-ка в медные салазки!“
Но девица отвечала:
„Туони пусть сядет в сани,
В медные пусть Мана сядет!“
Жеребца прутом ударил,
Плетью, жемчугом обшитой;
Девушка идет навстречу,
Девушка скользит на лыжах.
Он зовет девицу в сани,

Но девица отвечает:
„Хийзи пусть садится в сани,
В медные пусть Мана сядет!“
Жеребца прутом ударил,
Плетью, жемчугом обшитой;—
Девушка идет навстречу.
Сундучок открыл с деньгами
На коленях сын Калевы.
„Приходи, девица, в сани,
С медным пояском девица!“
И уселась дева в сани.
Едут-едут, поспешают,
Двигаются спешно морем,
По просторам вод широких.
Ноги тесно тут прижал он
Рядом с ножками девицы.
Он рукою вожжи держит,
А другой обнял девицу.
„Дай-ка я спрошу, красотка,
Знатен ли твой род, девица.
И из храброго ль ты рода?“
„Нет, мой род совсем не знатен,
Не из храброго я рода,
Туйрекуйзена я дочка,
Рода бедного дитя я!“
Парень говорит девице:
„Ах, какой день выпал горький:
С дочкой матери поспал я
И свою сестру испортил!“
И поехал он обратно,
Меч свой выхватил из ножен.
Вожжи передал девице,
В руки той своей сестрице.
„Поезжай, куда лишь хочешь!“
Сам себя мечом прикончил.

III

1.

Начинает Илмойллине
Свататься к красивой Кате.
Говорит красotka Катя:
„Можешь ли вспахать здесь поле
Без шапчонки на головке,
Без сапожек на ножонках
И без пояса на теле?“
Хоть кузнец вспахал то поле,
Катерина обманула,
Замуж за него не вышла.
Молвит Илмойллине Кате:
„Будь медведицей в лесу ты!“
Говорит красotka Катя:
„Я медведицей не буду,
Превращай во что другое!“
„Будь в лесу волчицей злою!“
„Не хочу волчицей быть я,
Превращай во что другое!“
„Ну, так превращу тебя я
В чайку, бодрствовать ночами,
Ждать холодными ночами,

На камнях кричать прибрежных,
И стонать на берег моря,
Там хлебать уху без ложки,
Без котла варить там рыбу!“

2.

Аннушка посуду моет,
Катя ткет себе холстину.
„Золотую ткань сотки мнел“
И челнок гремит железный,
Нити медные визжат там.
Шла на улицу девица,
Мать у ней там умирала.
„Ой ты, милая сестричка,
Наша мать там умирает“.
„Где ж ее здесь похоронят?“
„Там, где слышен звон церковный,
Там ее и похоронят“.
„Чем же вымоют ее здесь?“
„Теплой вымоют водою“.
„А во что ее оденут?“
„В платья белые оденут“.

3.

Анни-дева, Туру-дева,
У моста на островочке
Ждет себе в мужья героя,
Жениха ждет ласкового.
Муж из моря поднимался,
Волны он поднял высоко;
Он кричал, где хвощ виднелся.
В камышах раздалось эхо,
В можжевельнике раздалось.
С золотой уздечкой парень,
В лодке золотой подъехал.
„Выйдешь ли ты, Анни, замуж?“

„Нет, не выйду за тебя я,
Подойти коров мне надо,
Девять подойти коровок!“
Аннушка, девица Туру,
У моста на островочке
Ждет себе в мужья героя,
Жениха ждет ласкового.
Муж из моря поднимался,
Волны он поднял высоко;
Он кричал, где хвощ виднелся.
В камышах раздалось эхо,
В можжевельнике раздалось.
Серебром блестит уздечка,
В лодке с серебром плывет он.
„Выйдешь ли ты, Анни, замуж?“
„Нет, не выйду за тебя я,
Подойти коров мне надо,
Девять подойти коровок!“
Аннушка, девица Туру,
У моста на островочке
Ждет себе в мужья героя,
Жениха ждет ласкового.
Муж из моря поднимался,
Волны он поднял высоко;
Он кричал, где хвощ виднелся.
В камышах раздалось эхо,
В можжевельнике раздалось.
Хлебные в руках уздечки,
В лодке с хлебом подплывает:
„Выйдешь ли ты, Анни, замуж?“
„Вот уж выйду за тебя я,
За тебя я выйду замуж“.

4.

Катя, девушка-красотка,
С месяцем все состязаясь,

Пробуждалась рано с солнцем.
Ткала из шести куделей;
Успеваеа кончить пряжу,
Раньше чем восходит солнце.
Слышит Катя крик в деревне.
Будто едет Леммингяйне,
Сделавший здесь зло большое.
„Для других не делай, Катя,
Для меня лишь заплетай ты
Косы на своей головке!“
Леммингяйне, пес зловредный,
Подает рукой короткой
Золота ей в кошелечек.
Плачущей приходит Катя
И идет в свою клетушку,
Вешается там красotka,
Смерть себе готовит дева.
„Кто же весть снесет об этом,
Кто снесет дружку словечко?“
„Будет вестником медведь наш“.
Но медведь не снес словечко,
Он попал к коровам в стадо.
„Кто же весть снесет об этом?“
„Вестником лисица будет“.
Не снесла лиса словечко,
А попала к овцам в стадо.
„Кто же весть снесет об этом?“
Будет вестником зайчонок.
К милому бежит зайчонок,
Скоро весть ему относит.
Нож хватает в руки милый,
Смерть себе он ускоряет.

5.

Анни, дочь единственная,
Десять зерен сеет в землю,

Вырастает восемь копен,
Где лишь пень один чернеет.
Муж из мрачной бездны моря
С медной головой поднялся,
Медной шапкою покрытой,
В рукавицах медных руки.
„За меня ты выйдешь, Анни?“
„Нет, не выйду, нет, не выйду,
У тебя ведь мать плохая“.
Анни, дочь единственная,
Десять зерен сеет в землю,
Восемь копен вырастает,
Где лишь пень один чернеет.
Муж из моря поднимался,
Муж с серебряной главою:
Шапка серебром покрыта,
Серебром же — рукавицы.
„За меня ты выйдешь, Анни?“
Ведь свою я мать убил уж“.
„Нет, не выйду за тебя я,
У тебя отец прескверный“.
Та девица, Анни-дева,
Десять зерен сеет в землю,
Восемь копен вырастает,
Где лишь пень один чернеет.
Муж из мрачной бездны моря
С золотой главой поднялся:
Шапка золотом покрыта,
Золотом же — рукавицы.
„За меня ты выйдешь, Анни?“
„За тебя не выйду замуж!“
„Я уже отца зарезал“.
„За тебя не выйду замуж:
Всю семью ты уничтожил
И меня еще убьешь ты“.
„Ну, тогда убью себя я“.

В кузнице кует кователь,
Пальцы у него клещами,
Кулаки же молотками..
В кузницу летит орлица.
„Эй, кователь Илмойллине,
Эй, кузнец, всемирно вечный,
Дала бы тебе совет я“.
„Коль хороший, так скажи же,
Не давай плохих советов!“
Тут орлица так сказала,
Птица с цепкими когтями:
„Сватайся-ка к Марье-Дарье!“
Вот кователь Илмойллине,
Тот кузнец, всемирно вечный,
Клещи побросал на землю,
Молотки он бросил в угол
И слова такие молвил:
„Маменька - родительница,
Затопи скорее баню,
Чтобы в бане жарко было,
Чтобы в бане в пот бросало!“
Мать, его родительница,
Баню жарко натопила, --
На морозе б жарко было,
От жары б там в пот бросало.
„Ты иди, сыночек, в баню,
Приготовила я баню
И напарила я веник,
Камнем я воды нагрела.
Мойся досыта, сыночек,
Вволюшку ты лей водицы,
Волосы, как лен, чтоб были,
Глазки, как комочки сыру,

Шейка, как яйцо от куры,
Тело, как сугробы снегу“.
Вот кузнец тот Илмойллине,
Тот кователь вековечный,
Заходил помыться в баню,
Мылся досыта кователь,
Вволюшку он лил водицы.
Волосы, как льна пучочек,
Глазки, как комочки сыру,
Шейку, как яйцо он вымыл,
Тело, как сугробы снегу.
Шел домой кузнец из бани,
Стал кузнец неузнаваем.
И такое слово молвил:
„Маменька-родительница,
Принеси из льна одежды,
Из холста ты дай рубашку,
Узенькие дай порточки,
Принеси кафтан красивый:
В женихи я отправляюсь!“
Кузнецу мать приносила,
Илмойллинену давала
Ту холщевую рубаху
На беспотное на тело;
Узкие несла порточки,
Чтоб надел кузнец на ноги,
Также — теплые чулочки.
Дала кузнецу на ноги
С каблуками сапожонки,
Скроенные из коровьей,
Вырезанные из шкуры.
Принесла кафтан красивый,
Цветом как овес зеленый.
Шубу теплую тащила
С тысячею пуговичек,
С сотней петелек на шубе,

С поясом на поясицу,
Связанным из желтой шерсти,
Шитым золоченой ниткой.
Вот кузнец тот Илмойллине,
Тот кователь вековечный,
Приготовливал одежду,
Надевал себе наряды:
Ту холщевую рубаху
На беспотное на тело,
Узкие надел порточки,
Натянув себе на ноги.
Также теплые чулочки
Обувал себе на ноги,
И сапожки с каблучками,
Скроенные из коровьей,
Вырезанные из шкуры.
Надевал кафтан красивый,
Цветом как овес зеленый,
Весь зеленый, как п травка.
Шубу пушную надел он
С тысячею пуговичек,
С сотней петелек на шубе,
С поясом на поясицу,
Связанным из желтой шерсти,
Шитым золоченой ниткой,
И слова такие молвил:
„Маменька-родительница,
Жеребца мне запряги-ка
Перед красными санями, —
Чтоб полозья серебристы
И копылки золочены.
Ставь кукушек куковать ты,
Щебетуний щебетать ставь,
На дуге петь-ворковать ставь,
На гужах поставь чирикать.
Пусть-ка люди все посмотрят,

Пусть завидуют все парни,
Пусть с ума сойдут герои,
Пусть обрадуются девы,
А старухи пусть боятся".
Жеребца мать запрягала,
Буйного к саням водила, —
В них полозья серебристы
И копылки золочены.
Куковать кукушки стали,
Щебетать все щебетуньи,
Стали ворковать голубки,
На гужах чирикать стали.
Илмойллине привалился, —
Сел в задок саней кователь,
Обхватив руками вожжи,
Взяв красивый кнут подмышку;
Сильно жеребца ударил,
Больно буйного ударил
И отправился по морю.
Едет день он, два дня едет,
Часть дня третьего он едет, —
У коня не мокнут ноги
И колено не распухнет,
Из гужей лишь жир сочится,
Из дуги же кровь лишь каплет.
Сани красные скрипели,
И копылки в них звенели.
И на третий день, лишь в полдень,
Слышит сильный гром кователь.
Там гудел лесок еловый,
Ели в чаще той шумели.
Смотрит вверх — печет там солнце,
Смотрит вниз — там дровни едут.
„Кто же на санях тех едет?“
На тех дровнях два героя:
Едет старый Вейнемейне

Вместе с юным Иоукахайне.
Старый мудрый Вейнемейне
Чары напустил на мужа, —
Сани кузнецовы встали,
Сани пестрые встряхнулись,
Полоз серебристый лопнул.
Спел кузнец лесистый остров
В синем море — посредине,
Крепкие росли березы,
Разрослись с берестой белой.
Вот кузнец срубил березу
И наладил крепкий полоз,
Лучше прежнего он сделал.
Едет дальше он по морю,
Едет день он, два дня едет,
Часть дня третьего он едет, —
И копыто-то не мокнет,
И колено не распухнет,
Из гужей лишь жир сочится,
Из дуги же кровь лишь каплет.
Сани красные скрипели,
И копылки в них звенели.
И на третий день, лишь в полдень,
Слышит сильный гром кователь.
Там гудел лесок еловый,
Ели в чаще той шумели.
Смотрит вверх — печет там солнце.
Смотрит вниз — там дровни едут.
„Кто же, кто на дровнях едет?“
На тех дровнях два мужчины:
Едет старый Вейнемейне
Вместе с юным Иоукахайне.
Старый мудрый Вейнемейне
Чары напустил на мужа —
Сани кузнецовы стали,
Сани красные сломались,

В них попортились копылки.
Спел кузнец лесистый остров.
В синем море — посредине,
Крепкие росли березы,
Зеленью густой покрылись.
Илмойллине взял березу,
Крепкие копылки сделал,
Лучше прежних он наладил.
Едет дальше он по морю,
Едет день он, два дня едет,
Часть дня третьего он едет, —
И копыто-то не мокнет,
И колено не распухнет,
Из гужей лишь жир сочится,
Из дуги же кровь лишь каплет.
Сани красные скрипели,
И копылки в них звенели.
И на третий день, лишь в полдень,
Гром опять кователь слышал.
Там гудел лесок еловый,
Ели в чаще той шумели.
Смотрит вверх — печет там солнце,
Смотрит вниз — там дровни едут.
„Кто же, кто на дровнях едет?“
На тех дровнях два героя:
Едет старый Вейнемейне
Вместе с юным Иоукахайне.
Старый мудрый Вейнемейне
Чары напустил на мужа, —
Сани кузнецовы стали,
Сани красные сломались,
Пополам дуга сломалась.
Спел кузнец лесистый остров
В синем море — посредине.
Крепкие росли березы,
И черемухи поднялись.

Из черемухи кователь
Крепкую дугу готовил,
Лучше прежней он наладил.
Едет дальше он по морю,
Едет день он, два дня едет,
Часть дня третьего он едет,
И копыто-то не мокнет,
И колено не распухнет,
Из гужей лишь жир сочится,
Из дуги же кровь лишь каплет.
Сани красные скрипели,
И копылки в них звенели.
И на третий день, лишь в полдень,
Слышит он: рычит собака;
Там гудел лесок еловый,
Ели в чаще той шумели.
Смотрит вверх — печет там солнце,
Смотрит вниз — дымок курится.
Сторож дома — собачонка —
Лает и рычит на гостя,
Жеребцу кусает морду,
Буйного за хвост хватает.
Думает кузнец, что близко
Здесь живут. Конец уж виден
Путешествию по морю,
Той его езде на санках.
Вот кузнец жилище видит,
Царский дом он замечает,
Хидвида-царя избушку.
Вот подъехал Илмойллине
К Хидвиду-царю под окна.
Серебристые полозья,
Золоченые копылки, —
Сани красные оставил.
Пот на жеребце том стынет,
С буйного стекает пена.

Говорит тут Илмойллине,
Тот ковач всемирно-вечный,
Громким голосом кричит он,
Сильным голосом он молвит:
„Хидвид-царь, ты — муж из мужей!
Выдашь ли единственную,
Выдашь ли уже дочурку
В эти кузнецовы сани,
Где копылы золотые?“
Хидвид-царь в ответ промолвил,
Кузнецу он так ответил:
„Эх, кузнец ты Илмойллине,
Ты—ковач всемирно вечный!
Лишь тогда единственную
Дочь свою с тобой отправлю
В эти кузнецовы сани,
Где копылы золотые,—
Спой на улице озерко,
Чтобы рыбки в нем сновали,
Чтобы плескались в нем лещи,
Чтобы лососи играли.
Изгородь вокруг там сделай,
Изгородь поставь на берег,—
Из жердей железных сделай,
Из заостренных тех кольев.
Змей поставь там вместо прутьев,
Их хвосты оставь качаться,
Жала змей же колебаться!“
Спел кователь Илмойллине
Хидвиду на двор озерко,—
Рыбки малые снуют в нем,
Плещется там лещ в озерке,
Лососи шумят в озерке.
Изгородь вокруг он сделал,
Ставил изгородь на берег,—
Из жердей железных сделал,

Из заостренных тех кольев.
Змей вязал он вместо прутьев,
Их хвосты качаться ставил,
Жала гадов шевелиться.
Вновь кузнец шел Илмойллине
К Хидвиду-царю под окна,
Громким голосом воскликнул,
Сильным голосом он молвил:
„Хидвид-царь, ты—муж из мужей!
Выдашь ли единственную,
Выдашь ли уже ты дочку
В эти сани кузнецовы,
Где копылы золотые?
Я напел на двор озерко,
Рыбок маленьких сновать в нем
Плескаться лещей напел я,
Лососей шуметь в озерке;
Изгородь кругом я сделал,
Из жердей железных сделал,
Из заостренных тех кольев;
Змей вязал я вместо прутьев,
Их хвосты качаться ставил,
Жала гадов шевелиться!“
Хидвид-царь тогда ответил,
Кузнецу сказал словами:
„Лишь тогда единственную,
Лишь тогда отправлю дочку,—
Поле с гадами коль вспашешь,
Поле полное змеями;
Змей изборозди на поле
Без сапог на голых ножках,
И без пояса на теле,
На голодный свой желудок!“
Взял кузнец железа в руки,
Золота и серебра взял,
Тщательно соху сковал он,

Лемех золотом покрыл он,
Серебром сошник покрыл он,
И железную рубаху
С шапкой каменной надел он.
Поле вспахивать собрался,
Поле, где так много гадов;
Бороздить тех змей он начал.
Пахоту кузнец окончил,
Бороздить змей перестал он.
К Хидвиду он шел под окна,
Громким голосом воскликнул,
Сильным голосом он молвил:
„Хидвид-царь, ты—муж из мужей!
Выдашь ли единственную,
Выдашь ли уже дочурку
В эти сани кузнецовы,
Где копылы золотые?
Поле с гадами вспахал я,
Поле с гадами разделал,
Змей избороздил на поле,
И без пояса на теле,
На голодный свой желудок,
Без сапог на голых ножках“.
И тогда царь Хидвид выдал.
Отдавал единственную,
Дочь свою отправил Хидвид;
Ту красотку Марью-Дарью
В сани к кузнецу отправил,
Где копылы золотые.
Вот кузнец уж Илмойллине
В путь-дорогу, отправлялся.
Марья-Дарья в сани села,
Та красотка привалилась.
Едет день, второй день едет,
Часть дня третьего он едет, —
Конь копыта не замочит,

И колено не распухнет,
Из гужей лишь жир сочится,
Из дуги же кровь лишь каплет.
Сани красные скрипели,
И копылки в них звенели.
И на третий день, уж в полдень,
Посмотрел назад кователь, —
Нет в санях Марии Дарьи,
Золотой той нет в скользящих,
Нет прекрасной той в звенящих.
Марья-Дарья, вся в румянце,
Полненькая, с белым телом,
Синий глаз, льняные косы,
Брови черные — тропинкой,
Звездочкой на небе стала,
Лишней звездочкой слетела.
Ищет Илмойллине в звездах
Марью-Дарью, всю в румянце,
Полненькую, с белым телом,
Синий глаз, льняные косы,
Брови черные — тропинкой.
Звезды частые разведаль,
Пересчитывал златые,
Лишнюю звезду нашел он,
Отыскал кузнец златую.
Взял он Марью-Дарью в сани,
Полненькую, всю в румянцах,
Ставшую еще прекрасней.
В путь кователь отправлялся,
В путь-дорогу Илмойллине.
Марья-Дарья в сани села,
Полненькая привалилась.
Едет день он, два дня едет,
Часть дня третьего он едет, —
Конь копыта не обмочит,
И колено не распухнет,

Из гужей лишь жир сочился,
Из дуги же кровь лишь каплет.
Сани красные скрипели,
И копылки в них звенели.
И на третий день, уж в полдень,
Посмотрел назад кователь,—
Нет в санях Марии-Дарьи,
Золотой той нет в скользящих,
Нет прекрасной той в звенящих.
Марья-Дарья, вся в румянцах,
Полненькая, с белым телом,
Синий глаз, льняные косы,
Брови черные—тропинкой,
На морское дно песчинкой —
На глубокое нырнула,
Белым камешком растаяв,
Лишнюю песчинкой скрывшись.
Стал искать кузнец песчинку,
Марью-Дарью, всю в румянцах,
Полненькую, с белым телом,
Синий глаз, льняные косы,
Брови черные—тропинкой.
Перебрал на дне песчинки,
Камушки все беленькие.
Лишнюю нашел песчинку,
Белый камушек кователь.
Взял он Марью-Дарью в сани,
Полненькую, всю в румянцах,
Ставшую еще красивей.
В путь отправился кователь,
В путь-дорогу Илмойллине.
Марья-Дарья в сани села,
Полненькая привалилась.
Едет день он, два дня едет,
Часть дня третьего он едет, —
Конь копыта не обмочит,

И колено не распухнет,
Из гужей лишь жир сочится,
Из дуги же кровь лишь каплет.
Сани красные скрипели,
И копылки в них звенели.
Вот на третий день, уж в полдень,
Посмотрел назад кователь, —
Нет в санях Марии Дарьи,
Золотой той нет в скользящих,
Нет прекрасной той в звенящих.
Марья-Дарья, вся в румянцах,
Полненькая, с белым телом,
Синий глаз, льняные косы,
Брови черные — тропинкой,
В скалочку тут превратилась,
Пироги скут все которой,
И в санях тех затерялась,
В куче сена запропала.
Вот кузнец уж Илмойллине,
Тот ковач всемирно-вечный,
Прикусил губу, сердитый,
Черные усы подергал.
Скалочку он ищет в санках, —
Марью-Дарью, всю в румянцах,
Полненькую, с белым телом,
Синий глаз, льняные косы,
Брови черные — тропинкой.
Повернул вверх дном он сани
И растряс сухое сено.
Он нашел там веретенце,
Скалочку кузнец нашел там.
В руки взял, сломал на части,
Поперек переломил он
И все мелкие частички
В море черное забросил.
Вот кователь Илмойллине,

Тот кузнец всемирно-вечный,
Говорил слова такие,
Он такие речи молвил:
„Эй, с румянцем Марья-Дарья,
Полненькая, с белым телом,
Синий глаз, льняные косы,
Брови черные—тропинкой,
Будь-ка ты весь век свой чайкой,
Ты кричи и плачь на мелях,
Ты стони на голых скалах,
Взвизгивай на тех мысочках
И летай навстречу ветрам!“
Вот кователь Илмойллине,
Тот кузнец всемирно-вечный,
В сани пестрые уселся,
Жеребца ударил плеткой,
Сильно буйного ударил
И пустился ехать морем.

7.

Ночи сумрачные дева
Мыла мытые одежды,
Белыми их обеляла;
На мосточке длинном мыла,
Пестрой палицей клепала.
Лодка по морю несется,
Красная наполовину.
Ночью сумрачною дева
Обращалась к этой лодке:
„Вы куда, эй, шведы, в лодке?“
А из лодки отвечают,
Говорят из этой лодки:
„Рыбу удить собираюсь,
Рыбу, что хвостом виляет.
Посмотрю, как рыба мечет,
Посмотрю, как мечет щука“.

Ночью сумрачную дева
Отвечала так тем шведам:
„Эх, не лги-ка, швед коварный,
На второй раз правду молви!
Знаю я, как ловят рыбу,
Рыбаки рыб в лодку ловят:
Сети—посредине лодки,
На носу остроги длинные,
На корме еще длиннее.
Эй, куда вы, шведы, в лодке?“
Молвили из лодки шведской:
„На войну мы собралися!“
Ночью сумрачную дева
Отвечала так тем шведам:
„Эх, не лги-ка, швед коварный,
Третий раз скажи мне правду!
Знаю, как идут войною:
Сто мужчин гребет на веслах,
Тысяча сидит без дела,
И у всех мужчин—пищали,
Острые мечи у шведов“.
Ночью сумрачную дева
Так со злобой вопрошала:
„Эй, куда вы, шведы, в лодке?“
Молвили из лодки шведской,
Лодка так им отвечала:
„В женихи мы собралися
К дочке старика Хиизи,
К беленькой девице Хийзи“.
Ночью сумрачную дева
Превратилась в чернявку,
В золотистую кукушку,
В серебристую голубку,
И порог перелетела,
К кузнецу к дверям летела,
Молвила, входя, девица:

„Эй, кузнец ты Илмойллине,
Скуй-ка мне на шею крестик,
Скуй-ка кольца мне получше,
Скуй и серьги мне на уши!
Весть хорошую скажу я“.
Молвил мастер Илмойллине:
„Коли добрую весть скажешь,
Крест тебе скую на шейку,
Кольца я скую получше,
Серьги я скую на уши.
Если весть плохую скажешь,
То тебя в огонь я брошу,
В вечность мрачную отправлю,
В горн свой кузнецовский суну“.
Ночью сумрачною дева
Кузнецу так отвечала:
„Лодка шведская плывет там,
В женихи собрались шведы
К дочке старика Хиизи,
К беленькой девице Хийзи“.
Услыхал то Илмойллине,
Уронил из рук он клещи.
Молвил мастер Илмойллине:
„Некогда держать мне клещи,
Молотком готовить вещи!“
Молвил мастер Илмойллине:
„Эй ты, мать моя родная,
Приготовь в мешок мне пищи,
Наложь муки в мешочек!
В женихи я отправляюсь
К дочке старика Хиизи,
К беленькой девице Хийзи.
Эй ты, мать моя родная,
Дай холшевую рубаху,—
В женихи я собираюсь,
Старшинства я добиваюсь!“

Так кузнец тот Илмойллине
В женихи все собирался.
Мать ему уж приносила
Ту холщевую рубаху.
Принесла кафтан сыночку
На холщевую рубаху.

8.

Вот кузнец тот Илмойллине,
Небо людям выковавший,
Делавший им свод небесный,
В кузницу свою проходит.
„Эй ты, мать-родительница,
Затопи скорее баню
Искры пусть летят из бани!
В бане медной я помоюсь,
Свататься я собираюсь
К Анни—дочке бабы Хийзи,
Что живет за третьим морем“.
Вот идет он в эту баню,
Где сосульки льда сверкают.
Воротясь, отцу он молвит:
„Запряги коня из лучших,
Чтобы к Анникки попасть мне!“
Вот оделся он и едет,
Двигается он потихоньку,
Едет к дочке бабы Хийзи.
„Ну, готова ли красотка,
По два года смотренная,
По три года сватанная?“
Отвечает баба Хийзи:
„Нет, еще тут не готова
По два года смотренная,
По три года сватанная:
Башмачок обут на ножку,
А другая не обута!“

Молвит дочь старухи Хийзи:
„Многие сюда приходят,
Но лишь мало кто уходит:
Сотня женихов являлась,
Все здесь головы забыли“.
Вот уж пал пахать он послан,
Тот кователь Илмойллине.
Головы — вокруг пожоги,
Головы — кругом на кольях.
„Утомить попробуй лошадь,
Лишь тогда дочь замуж выдам!“
Вот он утомил ту лошадь
И пришел под окна к Хийзи.
„Ну, готова ли красотка?“
Кузнецу старуха Хийзи
В жены Анникки отдала, —
Не могла она не выдать.
Вот они собрались ехать —
Баба Хийзи вслед погналась.
Слышит мастер Илмойллине,
Что близка уже погоня.
В шуку превращает мастер
Дочку той старухи Хийзи,
Сам он шуке внутрь заходит,
Кузницей рубашку ставит,
А порточки-то — мехами,
Кулачонки — молотками
И коленки наковальней.
Подъезжала баба Хийзи,
В шуку превратившаяся,
Илмойллинена спросила:
„Эй, к ватель Илмойллине,
Что ты там куешь в утробе?“
„Ножик я кую в утробе,
Дочь твою я им зарезу,
Хочешь — и тебя зарезу?“

Вот сковал кузнец тот ножик.
Убежала баба Хийзи.
Тут кузнец уж превращает,
Делает он человеком
Дочку той старухи Хийзи.
Вот уж дома молодые.

9.

Анни, дочь единственная,
За водой пошла на берег.
К берегу пошла морскому
И аукала-кричала.
Видит — солнышко блестит там,
Видит — лодка подплывает,
Три мужчины в лодке этой,
Три героя в ней сидит.
Подъезжают к кузнецу те.
„Эй, кузнец ты Илмойллине,
Выдай дочь единственную!“
Молвит Илмойллине сватам:
„Рано выдать невеличку!“
„Каблучок прибавит росту,
Пуговица все исправит!“
Взяли Аннушку-девицу
И направились в поездку.
Едут прямо синим морем,
Не потеет конь их резвый
И копыта-то не мокнут.

10.

Раз Марина Ойюнгайне,
Та небесная девица,
На горушку побежала,
Очутилась на горушке,
Ей пастух пришел навстречу.
„Стаю видел ли поганных?“

„Не видал поганой стаи,
Паганус когда прошел здесь,
Скот тогда лишь подрастал здесь,
А пастух был не родившись“.
Вот Марина Ойюнгайне,
Та небесная девица,
На горушку побежала,
Очутилась на горушке,
Ей жнецы пришли навстречу.
„Видели ль поганых стаю?“
„Мы не видели поганых,
Паганус когда прошел здесь,
Рожь еще не сжатой была,
Подсека не вырубленной,
А теперь созрела рожь здесь“.
Вот Марина Ойюнгайне,
Та небесная девица,
На горушку побежала,
Очутилась на горушке;
Тут Марину и поймали.
Яму в девять сажен рыли,
Спрятали туда Марину.
Сверху сруб из толстых бревен,
А над ним большие камни.
Молодых людей послали
Караулить у костра там,
Старцев с копьями послали.
Ночи три была Марина,
Там она дня три лежала, —
Стало печь на небе солнце.
„Солнышко, пеки пожарче,
Лишь иной раз понежнее,
Пусть вся молодежь уснет здесь,
Старцы с копьями устанут!“
Из могилы встав, Марина
Повернулась, полетела

И пошла к реке купаться.
Пробежала две горушки,
К Илмойллинену попала.
„Что куешь, кузнец мой милый?“
„Я Марине цепь кую здесь“.
„Ты прибавь железа больше,
Чтобы цепь не разорвалась,
По стене ударь-ка цепью!“
Но та цепь не разорвалась.
„Какова Марины шея?“
„По своей суди ты шее,
Такова и у Марины!“
Примерял ту цепь кователь,
Но Марина цепь замкнула.
Так кузнец тот Илмойллине
С цепью той навек остался,
Что сковал он для Марины.

11.

А кузнец тот Илмойллине,
Свод небесный выковавший,
Как всегда, на смерть сердился,
Гневался он очень сильно—
Смерть его родных морила.
Думает кузнец, гадает:
„Не дает мне смерть покоя!“
Вот кует тот Илмойллине,
Свод небесный выковавший,
Сундучок такой железный,
Гроб железный для той смерти,
Замыкающийся гробик.
К кузнецу та смерть приходит
Илмойллинена съесть хочет.
Задаёт ему вопросы:
„Сундучок зачем ты сделал?“

Илмойллине отвечает:
„Для того я это сделал,
Чтобы отдохнуть с работы“.
Вот кузнец тот Илмойллине
Начинает смерть ту дразнить:
„Надо отдохнуть теперь мне,
Прежде чем здесь смерть наступит!“
Начинает Илмойллине
Залезать в сундук железный.
Смерть же кузнецу тут молвит:
„Подожди-ка, я сначала
Отдохну в том сундучишке!“
В сундучок тут смерть залезла,
А кузнец-то Илмойллине
Смерть закрыл в сундук железный,
На замки замкнул скорее.
Ночью сундучок отнес он
Прямо на средину моря,
Сундучок тот бросил в полночь
В море черное, большое.
И когда смерть потонула,
Лишь вода обрадовалась,
Лишь вода та закричала:
„В черном море слышали мы,
Как вода лишь всколыхнулась!“
Так он сундучок тот бросил,
Чтобы люди не узнали,
Чтоб никто не мог проведать,
Смерть негодная где скрыта.
Вот уж триста лет минуло,
В сундуке том смерть томится,
И нигде народ не мрет здесь
И нигде не знают смерти,
Целых триста лет живут все.
Вот уж весь народ на свете,
Весь народ осведомлялся,

Узнавал у месяца он:
„Где бедняжка-смерть укрыта?“
Знает месяц, но не скажет,
К солнцу всех он посылает,
Пусть-ка спросят лучше солнце.
Солнце праведное молвит:
„В черном море, насредине,
Лишь вода обрадовалась,
Лишь вода так закричала:
Так, лишь, та тут всколыхнулась!
Там, на середине моря,—
В сундуке железном смерти!“
Целых триста лет искали
На морском дне смерть-бедняжку.
И никто не умирает.
Вот уж стали на повозках
Старых вывозить под горку;
И тогда нашли сундук тот
В черном море, насредине,
Извлекли сундук из моря,
Подняли на берег моря.
Смерть тут грозно закричала
И велела гроб открыть ей,
Крышку пеструю поднять ей.
Смерть ту выпустил мужчина,
Смерть того мужчину съела,
Сотни три мужчин убила,
Женщин также триста съела,
Илмойллинена убила.
Солнцу смерть та позволяла
Целый день там греть всю землю,
Месяцу лишь светить ночью.
А сама же смерть тайком тут
Пожирать людей всех стала.
Ночью лишь ходить решалась,
Месяц светлый дразнить стала.

Парень, темный Похьелайне,
 Ехал свататься к девице
 За девятое то море,
 И десятого полморя.
 Там такая есть старуха, —
 Девять дочерей у ней есть.
 Дочь одна из них всех лучше.
 Всех девиц она красивей.
 Парень темный Похьелайне
 Сватается к той девице.
 Не было тогда попов там,
 Не было имен в народе.
 Сын тот, темный Похьелайне,
 Начинает говорить им:
 „Выдадите ли девицу,
 Лучшую, красивейшую?“
 „Выдадим, коль ты найдешь нам
 Свадьбовода опытного“.
 „Кто же нужен в свадьбоводы?“
 „Нужен Мавру Мангингойне!“
 Входит Мавру Мангингойне, —
 Самый лучший он патьвашка, —
 Вместе с темным Похьелайне.
 Вот уж Мавру Мангингойне
 Поезд свадебный пускает,
 Надевает он невесте
 Пару шелковых чулочков.
 Вот поехала вся свадьба.
 Распростер тут Мангингойне
 Огненные крылья свадьбы
 На семь сажен перед свадьбой.
 Вот они уже все едут
 Вместе с темным Похьелайне,
 Прибывают в дом Похьелы;

Он въезжает в дом с женою.
И жена родила сына;
Месяц был на лбу ребенка,
Месяц светлый на младенце,
На затылке были звезды.
Так-то темный Похьелайне
Сделал жизнь свою счастливой,
Хорошо стал жить с женою.

13.

Вместе шли вдвоем сестрицы
Веники мочить на берег,
Шведы-братья, проезжая,
Их насильно увозили,
Привезли к себе домой их.
К бедняку одна попалась,
А другая к богатею.
У одной Иван родился,
У другой родилась Васса.
Навестить их брат приходит, —
На чердак его приводят,
Слушает их брат оттуда.
Сестры так ему пропели:
„Ах ты, братец, милый братец,
Приходи ты навещать нас
Лишь тогда, когда здесь станут
В шведских ригачах работать,
Молотить зерно здесь шведы,
В шведских банях умываться!“
„Ах, сестра, сестра родная,
Матери родной дочурка,
Ты узнала ли у брата,
Живы ли косцы все, братья?“
„Все и живы и здоровы,
Только травка перезрела“.
„Ты узнала ли у брата,

Живы ли сестрицы-пряжи?“
„Все и живы и здоровы,
Только сок ушел весь в землю!“
„Ах, сестрица дорогая,
Матери родной дочурка,
Можешь ты бежать отсюда
Нет тебе большой заботы,
Раз твоей дочурке Вассе
Молока есть пить из кружки,
А за нею бабка смотрит,
И отец богатый любит.
У меня же, у беднячки,
Плакать будет сын Иван мой,
Некому за ним смотреть здесь,
Лишь воды холодной пьет он,
И грызет сухую корку“.
„Ах ты, братец мой любимый,
Ты возьми меня отсюда,
Ведь уже здесь начинают
В шведских ригачах работать,
Шведский хлеб в них молотиться,
В шведских банях умываться,
Бани шведские дымиться“.
А сестра ей говорит тут:
„Ах, сестрица дорогая,
Матери родной дочурка,
Вот ты убежишь отсюда,—
И тогда меня замучат,
В тюрьмы шведские посадят“.

14.

Аннушка идет на берег,
И идет на длинный мостик,
Воду черпает себе там.
Смотрит вверх — там жарит солнце,
Смотрит вниз — ладья подходит

И она кричит той лодке:
„Чья же там ладья подходит?“
Братец отвечает Анне:
„Брата твоего ладья та,
Он войной идет на шведов,
Сети русские везет он,
Рыб карельских продает он“.
И еще брат Анне молвил:
„Гнулись весла золотые,
Весла медные погнулись
Там, об тинистое ложе,
По морям передвигаясь“.
Брат Гавриил ей так промолвил:
„Так придешь ли в воду к брату?“
Тех увезенных сестричек
Никуда не отпускали,
Все боялись их побега.
Молвит Аннушка Агафье:
„Видела я лодку брата
Там, у красненькой осоки,
В камышах красивых лодку.
Так пойдешь ли в лодку брата?“
„Не могу“, — твердит Агафья, —
„У меня есть сын Ванюша!“
Брат их ломится уж в сени,
Увезти сестер он хочет,
Но Агафья вопрошает:
„А здорова ль мать-березка?“
Анни молвит: „Да, здорова,
Лишь весь сок ушел под землю!“
Про отца она знать хочет:
„А здоров ли наш родитель?“
„Точно ель, здоров отец наш,
Лишь суки все высыхают“.
Про родных всех вопрошает:
„А здоровы ли родные?“

„И родные все здоровы,
Листья с них лишь выпадают?“
Брат их ломится все в сени:
„Не стремись на запад, ветер,
Не стремись, восточный ветер,
Ведь хозяйева здесь дома,
Ведь в избе здесь все мужчины.
Лишь тогда ломись ты ветром, —
В ригаче когда хозяин,
И когда снопы несет он,
И когда все шведы в риге!“
Вот пошла та Анни-дева
В ригачу с сестрой Агафьей
И, покинув дочку Вассу,
С братом в край свой убежала.
А вторую-то сестрицу
Пополам там разорвали, —
Почему про то молчала.
Их, сестриц обеих этих,
Мучали там, на чужбине.
Били-били, не давали
И вздохнуть разок свободно.

15.

Анни, девушка младая,
Летом скот пасла в лесочке,
А зимой быков смотрела.
Вот беременной уж стала,
Бремя тяжкое носила,
Лишь с трудом носила чрево.
Очень скоро сын родился
Двухнедельный сын Калевы.
И народ весь стал смотреть.
И тогда сына крестили,
И окунули в купель.
Поп крестил сына скорее,

И народ его поставил
Королем лесной Меччелы,
Деньги охраняющим.
Молвил старый Вейнемейне:
„На болото бы сыночка
И дубиной по головке,
Либо жердью угостили б,
Затоптали бы в болото,
Там, под влажный черный ил“.
Молвил двухнедельный мальчик,
Двухнедельный тот Калева:
„Ах, какой ты, Вейнемейне,
Как ты плохо осуждаешь,
Искривляешь здесь законы:
Ведь тебя же самого-то
На болото не сносили,
За дела, моих похуже,
Хоть ты мать свою бесчестил!“
Тут уж старый Вейнемейне
Очень сильно рассердился,
Лодку медную устроил.
И тот старый Вейнемейне
По морю плывет в той лодке.

16.

Ласточка, дневная птичка,
Ищет землю, где поспать бы,
Поле, где гнездо бы свить ей.
Видит судно на заливе.
И на мачту полетела,
Медное гнездо отлила
И яйцо снесла золотое.
В воду выпало яичко,
Остров там большой поднялся,
Гладкий луг на островочке
На лугу пасется стадо.

А над стадом тем девица.
Сын Калевы тут приходит,
Это — сам Иван Калева.
На лугу нашел девицу,
Стал с девицей забавляться.

17.

Тот Иван был сын отцовский,
Десять зернышек посеял,
Восемь копен выростало.
Был овес в восьмой копне там.
Солнцев сын хлеба готовит,
Говорит железной белке:
„Ты иди, куда велю я,
Позови хромых, убогих,
Позови слепых, и звать лишь
Вейнемейнена не надо —
Маленьким он был зловредным,
Он урод, а не мужчина!“

18.

Леммингяйне, хитрый парень,
Берег озера обходит,
Все леса обходит спешно,
Ищет девушку-красотку,
Сладкую, как ягодинка.
Вот в избушку он заходит,
На скамейке там садится.
„Что сидишь ты, сын отцовский,
Нравится ль тебе хозяин,
Или светлая избенка?“
„Не хозяин нравится мне
И не светлая избенка,
Нравится мне та девица,
Курочка красивенькая“.
„Где узнал ты, Тивгамойне,

Золотое яблочко ты,
Что растет здесь эта дева.
Вырастает тут девица?“
„Вот как я узнал об этом:
Дым на острове виднелся
И огонь на перешейке,—
Дым большой войну приносит,
Маленький же — дым пастуший.
Увлекать хитра была ты,
Руку подавать бойка ты,
И подарки брать жадна ты;
Долгожданная девица,
Приготовилась ли ехать?“
„Долго ждал ты, жди немножко:
Вот один рукав натянут,
Будет и другой надет ей.
Ждал ты долго, жди немножко:
Уж одна коса готова,
Заплетается другая.
Парни прочь, герои прочь все.
К выданью готова дева,
Долгожданная невеста.
Осмотри ее, красавец,
Для себя же ты женился.
Ты иди за ним, девица,
При народе сватанная!“
Леммингяйне, хитрый парень.
В сани посадил девицу,
Он прутом коня ударил,
По дороге конь стремится,—
Сани тут в пути сломались.
„Кто же путь нам пересек там?“
„Путь лиса пересекала!“
„Лучше бы бежать с лисою,
А не быть здесь с Леммингяйне!“
„Не печалься, дочка Хийзи,

Вот приедем за горушку,
На высокую, родную, —
Без ножа тебя зарежу,
Выпью кровь твою без чарки
И попробую покушать
Мяса икр твоих бескостных“.

19.

Старый верный Вейнемейне,
Также юный Иоукахайне
Подати платить собрались,
Деньги шли платить за землю.
Вот дуга с дугой столкнулись,
И гужи переплелися.

20.

Юный парень Иоукахайне
Шел на пир в страну Пяйвелы,
Пиво пить на пир собрался.
Мать с отцом предупреждали,
Две сестры предупреждали,
Гри невесты говорили:
„Не иди, наш милый мальчик,
Не иди на пир в Пяйвелу,
Пиво пить на пир с ватагой!“

21.

Хитрый парень Леммингяйне,
Старый верный Вейнемейне
И тот юный Иоукахайне
Враждовали вековечно.

22.

В старину там бог задумал
Вейнемейнена убийство.
Хватит жить ему на свете,

Коль создателя он лучше.
Бога-господа он выше.
Тут-то старый Вейнемейне
На колени распростерся,
Хитрость тут употребил он
Перед богом косоглазым
И создателем великим:
„Ты оставь мне жизнь, создатель
Не бери меня отсюда,
Не губи на этом свете.
Сапогов три пары дай мне,
Обувь дай мне из железа,
Дай пожить мне беззаботно
Век железных сапогов!“
Дал ему господь-создатель,
Сапогов три пары швырнул.
Пары три — все из железа.
„Вдоволь ты теперь живи здесь
С сапогами из железа;
Как износишь, так и смерти!“
И пошел домой наш Вейне,
Сапоги из кожи носит,
А железные убрал он.
Вот послал творец служанок
Вейнемейнена проведать:
„Износились уж наверно
Сапоги те из железа“.
Вейнемейне говорит им:
„Сапоги не износились!“
Всё он хочет жить на свете.
Тут создатель рассердился,
Очень бог был тут разгневан:
„Мучайся, живи на свете
До скончания вселенной!“

23.

Вот уж хитрый Леммингяйне,
 Вековечный песнопевец,
 Стал на песнях разлагаться,
 На своих гниет он песнях.
 „Эй, кователь песен рода,
 Не был ты тогда великим!“
 Старый верный Вейнемейне
 Плыл по морю хвойной веткой,
 Плыл он в темную Похьелу,
 Плыл он добывать там сампо,
 Счастье добывать он ехал.
 Молвил старый Вейнемейне:
 „Лишь тогда нам можно петь здесь
 И тогда лишь веселиться, —
 Двери мы когда увидим,
 Вдалеке родные двери!“
 Старый верный Вейнемейне,
 Вековечный заклинатель,
 У окна сидел весь вечер,
 Ждал у белого окошка.

24.

Вот пришли враги в деревню
 Тарналайнена убили,
 Леммингяйнена убили;
 Сын Калевы лишь остался
 Матери своей в утробе,
 Старой женщины в утробе.
 Так и вырос тот Калева.
 Очень рассердился Унто,
 Что растет тот сын Калевы.
 Тот Иван, Калевы мальчик,
 Сам Иван-герой Калева
 Подсеку рубил для рода.

Красного взял жеребенка,
Им вспахал борозд десяток,
Уродилась сотня копен.
И тогда король заморский
Воспретил пахать Калеве;
Очень зол король заморский,
Что растет Калевы парень

25.

Наш Иван, большой хозяин,
Снарядил мужей с мечами;
С ружьями все те герои,
В шубах тысяча героев,
С саблями все сто мужчин.
Едучи, попал Иван-царь
Ночью в город через стены,
В городе спросил он пива.
„Есть ли в городе мне пива,
Русскому царю, мне, выпить,
К ужину царю Ивану
И его героям — пива?“
Отвечали так Ивану:
„Бочку кони наполняют
К ужину царю Ивану,
Русскому готовят пива!“
Так сказал Иван-хозяин:
„Есть ли масла запасено
К ужину царю Ивану,
Русскому покушать масла?“
Тут он очень рассердился,
Брови черные насупил,
Стал стрелять он из пищалей,
Из ружей стрелять он начал
В городе стреха трещала,
У попа столбы трещали.
Из пищалей там стреляли,

Головы там с плеч катились!
Карл упал тут на колени:
„Ах, мой братец, русский братец,
Не губи моей душонки,
Дай-ка мне попить водицы!“
И Иван, большой хозяин,
Карлу-королю ответил:
„Под ладьей — водицы вдоволь,
Под судном ты можешь выпить“.
Карл же отвечал Ивану:
„С кровью смешана вода здесь,
Шведской крови в ней есть вдоволь“
Карл-король к сему прибавил:
„Пленным я сижу здесь вечер,
Я сижу здесь, в русской лодке,
На скамеечке карельской!“

26.

Старый верный Вейнемейне
Едет-движется тихонько,
По морским волнам плывет он,
У саксонских тех проливов.
Плачет, хнычет он со страху.
А в Похьеле-то старуха
Подметала там избушку,
Подметала пол в избушке,
Сор на дворик относила
И сама на сор тот встала, —
Слышит с моря плач могучий.
„Это слышен плач не детский,
Бородатый муж так плачет!“
Платье быстро завернула,
В горсть подол свой подобрала
И пошла грести скорее.
Вот гребет она на лодке
По саксонским тем проливам.

Калева копал колодец,
 Ундамойне сети ставил,
 Калева же взял всю рыбу.
 Тут у них и драка вышла.
 Сын у Калевы остался.
 Вот кричал тот сын Калевы:
 „И пока мой голос слышен,
 Пусть до тех пор лес валится,—
 Подсека Калеве будет,
 Молодцу пожога будет!“
 Звуки кантеле он слышал,
 И пошел игру он слушать.
 И хозяйка вод бежала,
 Слушать дева поспешала
 Вейнемейнена бренчанье.
 Ветер западный огромный
 И восточный сильный ветер
 Взяли край, другой край взяли
 В Вейнемейненской ладейке.
 Старый верный Вейнемейне
 В море синее бросался,
 Веслами грести он начал,
 И по морю плыть он начал.
 Целых шесть лет плыл по морю,
 Вот вошел в одну избушку.
 „Эй ты, старая хозяйка,
 Кабы дело угадала,
 То бы в клеть скорей бежала,
 Принесла бы масла кушать,
 Кружку пива принесла бы,
 Голодающему кушать
 Дала бы кусочек хлеба!“
 Вот уж старая хозяйка
 Побежала в клеть скорее,

Масла принесла покушать,
Пива кружку приносила
Кушать голодающему.

28.

Анни, дочь единственная,
Шла в лесок за вениками,
Делать веники в кустарник.
Вот отцу связала веник,
Вот и матери связала.
Третий веник вяжет Анни
Брату своему Ивану,
Брату старшему готовит.
Осмо так ей говорил там,
С подсеки Калева молвил:
„Для меня расти, девица,
Для других ты не старайся
Одеваться так красиво,
Вырастать в одеждах русских;
Вырастай без корки хлеба,
Вырастай без ломтя хлеба!“

29.

Го — Иван, хозяин наш он,
Царь Иван наш знаменитый.
Усадил девиц в ладейку,
Женихов сажал он в лодку.
Едет, подплывает смело
Под зеленый город Выборг,
Под большой гребет он остров
Грозно в двери он стучит там,
Говорит, задев стреху:
„Есть ли здесь, на островочке,
Место, чтоб ладью поставить,
Лодку вытянуть на сушу?“
Женщины там отвечают:

„Места есть на островочке,
Можно там ладью поставить,
Лодку вытянуть на сушу“.

30.

Птица птиц парит высоко, —
То орел летит с востока,
Крыльями земли касаясь
И до неба доставая.
Под крылом — героев сотня,
Под другим — другая сотня,
Тысяча под перьями.
Все мужчины те с мечами,
С ружьями все те герои.
Старшим — Илмойллине-старец,
Петр небесный, Илмойллине.
И летит тот Илмойллине
К берегу на Черном море,
Прямо к камню беленькому,
Золотых сигов ловить там.
Сигова старуха молвит:
„Развожу сигов я в море,
Милый же придет ловить их“.

31.

Петр наш, храбрый царь-герой,
Здесь, в Карелии прекрасной,
Лодку делал на горушке,
На скале ладью он делал.
Топором не тронет камня,
Острие скалой не точит.
Лодку он спустил на волны,
Греб он в лодке той скорее
Под зеленый город Выборг

Это старый Вейнемейне
 Делал лодку, напевая,
 Делал, заклиная, лодку.
 Вот уж старый Вейнемейне
 Едет свататься в Похьелу,
 Сватать девушку в деревню.
 Анни, с острова девица,
 Моет острова белье все,
 Гряпки там она полощет.
 Так она тут вопрошает:
 „Ты куда же, Вейнемейне,
 Ты куда, жених с Сувандо?“
 Старый Вейнемейне лжет ей:
 „Я гусей стрелять поехал,
 Убивать тех пестрокрылых
 У саксонских ли проливов,
 Там, где озеро Маналы“.
 Анни-девушка не верит:
 „Вижу я в тебе лгунишку,
 Вижу, что мужчина лжет здесь,
 Глупый лжет так неумело,
 Словом настоящим лжет он.
 Иначе отец мой раньше
 Шел гусей подстреливать там —
 У проливов ли саксонских:
 Острогу имел он в лодке,
 Лодка—полная сетей,
 Черных брал с собой собак он
 И щенков на берег лзать.
 Если будешь ты здесь лгать мне,
 Если правду ты не скажешь, —
 Лодка пусть перевернется,
 Лодка на сухой наш берег.
 „Ой, сестричка, Анни-дева,

Лодки ты не опрокинь мне,
Еду свататься в Похьелу,
Сватать девушку в деревню“.

33.

Дочь у матери родилась,
Вейнемейне молодая.
Дитяtko было певуньей.
Хилое и маленькое,
И с закрытыми глазами.
Вейнемейне пела в детстве.
Дева языком звенела, —
Брат у ней тогда женился.
„Братец, полнокровный брат мой,
Привести хотел кукушку,
И привел же ты драчунью“.
Стало время замуж выдать
Ту девицу Вейнемейне;
Замуж вышла Вейнемейне,
Но по матери скучала...
Колокольчик зазвенел туг.
„Кабы знала — мать приедет,
Синий мост построила бы,
Ей настил поставила бы,
Вбить столбы я приказала б,
Чтобы встретить мать родную“.
Едет в гости в дом родимый.
„Жеребца куплю в деревне,
Запрягу его у моста,
К дому матери подъеду“.
К брату въехала во дворик,
Но седла не принимали
И коня не распрягали.
Вот сама она лошадку
К стойлу дальнему подводит,
Прямо в дальние конюшни.

Брату приказала женка
Двери наглухо закрыть ей,
Не кормила, не поила,
И вперед не звала в гости.

34.

Был Иван, прекрасный парень,
Худощавый Лаппалайне,
И румяный и красивый,
Слыл охотником хорошим.
В лес отправился играть он,
Шел в ольшаник с лбом широким,
На лужок с подолом тонким
Он звенит-гудит в лесочке,
По борам звенит широким.
В это время Вейнемейне
Едет, лошадь понукая,
По морям, по полым водам.
Белка прыгает по веткам,
Лошадью по веткам скачет,
Так что сухо на копытах,
Сухожилия не мокнут,
А с гужей лишь жир стекает,
Капает свинец с супони.
И Иван тот Лаппалайне
Взвел курок тремя пальцами
И такое слово молвил:
„Я, охотник в лес идущий,
Обошел леса глухие,
А собаки вслед бежали.
Эй ты, белочка лесная,
Беленький лесной жеребчик,
Растянись-ка ты на сучьях
И раскинись-ка на листьях.
Позови собаку лаять,
Молодец стрелять приходит!“

Падают тут Вейнемейне
Прямо на ладоии в море;
Шесть лет носится по морю,
Семь лет плавает по волнам.

35.

Сердится тут Вейнемейне,
Сердится и гневается,
Делает он гроб железный,
Лодку делает из меди.
В том гробу, в той лодке плыл он.
Ехал он туда, где вместе
Сходятся земля и небо.
Так скончался Вейнемейне.

36.

Иначе здесь раньше пели
Благородной Лопи люди,
Русская ватага пела,
В Белом море напевала,
Сампо людям добывая.
Иначе росли здесь всходы.
Иначе пекло здесь солнце.

37.

Вейнемейнена сыночек
Делал лодку, заклиная,
Делал лодку, песню пел он.
Вот он приготовил лодку,
Рыбьей чешуей накрыл он.
Он гребет, гребет в той лодке,
Вдоль реки Невы гребет он
И по невскому заливу.
У залива крикнул Хукко,
Из-за гор он закричал там:
„Чья ладья плывет по водам.

Чья же лодка на волнах?"
„Лодка сына Вейнемейне,
Лодка с Терских берегов
Плавает по этим водам“.

38.

Петр, наш царь тот знаменитый,
Ехал на реку Олонец
И у Сермаксы стоял он.
По церквам он слал приказы,
Всем попам бумаги слал он:
„Есть ли мяса в городе здесь,
Есть ли рыбы в городе здесь,
Есть ли масла про запас здесь,
Если гость сюда приедет?“
Хитрый Выборга хозяин,
Матти-Лаври, так промолвил:
„В прошлый год здесь лошадь сдохла
Околел здесь белый конь наш
Для гостей, сюда идущих!“
Петр, наш царь тот знаменитый,
Сердится и гневается,
Кривит рот от злобы сильной.
Петр, наш царь тот знаменитый,
Выборжанину ответил:
„Эй, Матвей Лаврентьевич,
Без твоих людей трусливых
Хватит войска у меня,
Без твоей поганой соли
Хватит соли у меня!“
И потом на весь тот Выборг
Наложил печать большую.

39.

Петр, наш царь, был знаменитый,
Крепость Выборг брать собрался.

Говорит он: „Есть ли мяса,
Есть ли рыбы в городе здесь,
Есть ли масла здесь в запасе
Прибывающим гостям?“
„Мяса в крепости не будет,
Рыбы так же нет на рынке,
Нет и масла здесь в запасе
Для гостей приезжих этих.
Прошлым годом мерин сдох здесь,
Нынче белая кобыла,
Но язык еще не сварен,
Череп дохлой не обглодан,
Это — для гостей приезжих!“
Петр, наш царь тот знаменитый,
Брови черные насупил,
Пушки говорить заставил,
Ядра дюжие взрывать.
Подошел под крепость Выборг,
Года три под ним стоял он,
В город он попасть не может
Женщина пред ним явилась,
Шелковый передник сверху,
Сзади же висит рогожа:
Значит спереди есть крепость,
Позади же ничего нет.
Петр, наш царь тот знаменитый,
В крепость Выборг попадает.
А там Выборга хозяин
Подает ключи золотые.
„Будет вдоволь у тебя здесь
Под ружьем людей моих!“
„Эх, и без твоих людей ведь
Войска у меня хватает!“
„Будет денег у тебя здесь!“
„Без твоих поганых денег
Вся моя казна полна!“

„Но уж соли будет вдоволь!“
„Без твоей поганой соли
Хватит соли у меня здесь!“

40.

Гот Иван-царь, наш хозяин,
Петр, наш царь тот знаменитый.
Собирал свои войска все,
Точно селезень утят всех,
Точно чирок всех птенцов.
Парус на ладью наладил,
Холст на длинный кол поставил,
День он плыл, и день другой уж.
И уже на третий день там
Бесовы ворота светят,
Двери хладные сверкают
На большом заливе Финском,
Под зеленым Выборгом.
Молвит: „Матти, Лаври отпрыск,
Хитрый Выборга хозяин,
Есть ли масла запасного,
Есть ли в крепости здесь мяса,
Чтоб быка не убивали,
Чтоб не резали скотины?“
И послал указ тот спешно.
Грамоту послал повсюду,
Много старых баб собрал он.
С челюстями и беззубых,
Чтобы царь Иван их кушал,
Чтобы русский их отведал.
„Там, в конюшне, есть кобыла,
Квасу вдоволь даст кобыла,
Чтобы войско пировало!“
Тот Иван царь, наш хозяин,
Петр, тот царь наш знаменитый,
Головой тряхнул, оскалясь,

Оскорбленный в бой собрался,
Пищали стрелять поставил
Благородным лукам в помощь.
День стрелял, второй стрелял он,
Уж и третий день стрелял он.
С грохотом стреха упала,
От бересты прах остался.
Сын Лаврентия, Матвей тот,
Хитрый Выборга хозяин,
Сам с повинной шел к Ивану.
„Ты убил отца и мать мне,
Пятерых моих всех братьев,
Семерых моих сестричек.
Золота возьми мешочек,
Серебра возьми побольше,
Кланяюсь я пред тобою,
Чтобы жизнь ты мне оставил“.
„Мне плевать на твое злато,
Наплевать на серебро мне:
Потускнело злато шведов,
Финской Саво серебро“.
И Иван-царь, наш хозяин,
Петр, наш царь тот знаменитый,
Голову срубил, как репе,
Как свинью его зарезал.

41.

Куллезерский сын Калевы
Сам такое слово молвил:
„И какую же работу
Нанятому здесь дадут?“
Нянчиться с ребенком послан.
Нянчился он с тем ребенком,
Накормил и сам покушал.
„И еще какой работой
Нанятого здесь нагрузят?“

С неводом грести послали.
Тут-то Петр промолвил слово:
„Ну, какой же тот гребец-то,
Кто гребет не с полной силой!“
Греб тогда он с полной силой.
Нос, как лебедь, плакал в лодке,
А уключины—кукушкой,
Петли рябчиком визжали,
Каркала корма вороной.
Лодку у вдовы разбил тут,
Все кокоры обломал он.
„И еще какой работой
Нанятого здесь нагрузят?“
С неводом ботать послали.
Тут-то Петр промолвил слово:
„Ну, какой же тот гребец-то,
Кто гребет не с полной силой?“
Головой тряхнул, оскалясь,
Черные усы крутил он;
И тогда ботал он с силой.
Нацепил боталом камень,
Ручкой взял сосну с горушки.
Наботал он невод вклучья,
Воду вспенил он боталом,
Рыбаков всех с ног свалил он.

42.

Куйттозерский сын Калевы
На войну пошел играя,
В пастухи шел с звонкой песней.
На болоте он резвился,
На бору трубил в трубу он.
Весть печальную приносят:
„Дома мать твоя при смерти“.
„Кашу кто теперь мне сварит,
Кто теперь калач спечет мне?..“

Раз она уж умирает,
То другую мать найду я.
А умерших всех хоронят,
В яму всех закапывают!“
Купленным конем отвозят,
Жеребцом в обмен добытым,
Купленным за сотню марок
И за тысячу тех марок.

43.

Жил один старик почтенный
И жила-была старуха,
Трех сынков она родила.
„Дам сама сынкам имена“.
Первый назван — Ухтамойне,
А второй был Ёгамойне,
Третий был мужик-кузнец.
Он ковал, ковал прилежно
По горячему железу.
„Эй, отец мой драгоценный,
Вот пойдем искать со мною
Женку молодую мне!“
„Нет, еще мы не поедем,
Слишком молод ты, сыночек!“
И кузнец кует прилежно
По горячему железу.
„Ах, отец мой драгоценный,
Мне жену искать пойдем-ка!“
„Нет, еще мы не поедем,
Слишком молод ты, сыночек!“
И кузнец кует прилежно
По горячему железу.
„Мать моя, родительница,
Молоком кормившая нас,
Мне жену искать пойдем-ка!“
„Время свататься, сыночек,

Вот тебе уж сорок лет!
„Ну-ка, мать моя родная,
Молоком кормившая нас,
Запряги-ка жеребенка,
С бубенцами звонкими!“
И направились в поездку
По проспектам Петрограда
И по улицам московским.
Вот избушка на дороге,
На крыльце стоит старуха.
„Покажи-ка дочь свою!“
Показала дочь старуха,—
С грязными глазами дочь
И с ушами грязными.
„Уведи-ка в баню дочку,
Пусть провалится пол в бане,
Пусть на стенах гриб возрастает,
До тех пор пусть там пробудет!“
И направился в поездку
По проспектам Петрограда
И по улицам московским.
Вот избушка на дороге,
На крыльце стоит старуха.
„Покажи мне дочь свою!“
Показала дочь старуха,—
С грязными глазами дочка
И с ушами грязными.
„Уведи-ка в баню дочку,
Пусть провалится пол в бане,
Пусть на стенах гриб возрастает,
До тех пор пусть там пробудет!“
И направился в поездку
По проспектам Петрограда
И по улицам московским.
Вот избушка на дороге,
На крыльце стоит старуха.

„Покажи-ка мне девицу!“
Ту девицу, Анну-деву,
Анну, дочь единственную,
Он нашел красивою.
Из дуги тут кровь явилась,
Из оглобли пар поднялся,
Из сбруи же медь стекала.
Взял кузнец девицу в жены,
Взял навеки ту девицу.

44.

Аннушка, девица эта,
Шла доить своих коровок.
И корову подоила,
Сняла сливки с молока там
И поставила на полку.
Мышка выпила немножко,
А вторая все пролила.
Аннушка заплакала тут,
Взяла мышку в руки Анни
И содрала шкурку с мышки
Маленьким мизинчиком.
Шкурку в Выборг отвозила,
К городским снесла воротам,
Сотню марок получила,
Жеребца себе купила
Серой масти, точно мышь;
Чтоб по льду морскому ездить

45.

Наша госпожа скончалась,
Та царица Катерина,
И царем тогда стал Павел,
Господином стал сапожник.
Бурлаков он муштровать стал,
За крестьян потом принялся,

Холостых мужчин забрил он,
Муштровал он всех женатых...
Вот уже указ получен.
Староста в селе обширном
Вместе с писарем тем нашим
Стал указ читать скорее.
Написали в том указе,
На бумаге написали,
Что царю нужны солдаты,
Что мужчин царю потребно,
Что нужны царю матросы.
В Польше надобны солдаты,
На войне великой шведской,
И в сраженьях с датским войском.
У богатых денег вдоволь —
Из солдатков откупиться,
Бедный же богат лишь вшами.
Богатеи откупились,
Бедняка тогда забрали
Вместо богача в солдаты.
По рукам бедняк завязан,
Твердую веревкой связан —
Руки в кандалах из меди,
Ноги в кандалах железных.
Голову забрали парню,
Волосы на землю бросив...
Принесли шинель солдату,
Сапоги саксонской кожи
И в мундир его одели.
Выдали ружье в супруги,
Сумка стала отчим домом...
Не давалось ученье,
Не умел шагать он в ногу,
То опережал других он,
То он отставал из строя.
И тогда его раздели,

Розгами его хлестали,
Палкою из ивы били.
Батогами ударили,
Паренька исколотили.

46.

Здесь, в России, брат родился,
Вырос здесь, в Карельском крае.
Рос двенадцать лет тот братец,
Под опекой старших рос он.
Пел он песни перед люлькой,
Летом жил он на лощинах,
Половину года жил там.
Года два шагал тот братец,
Вот он третий год шагал там,
К Кеттунену шел в избушку.
Маша из подвала смотрит
Глазками, как скатный жемчуг.
„Кто же ты, такой нарядный,
Что же ты собрался делать?“
„Я портной, каких здесь мало,
Сшить могу пиджак приличный!“
„Я ведь также—белошвейка,
Шью я шелковою ниткой.
Ведь из нас бы пара вышла!“
Принесли товару кучу,
Кеттуне тот ножницами
Пополам товар разрезал,
Искромсал весь на кусочки.

47.

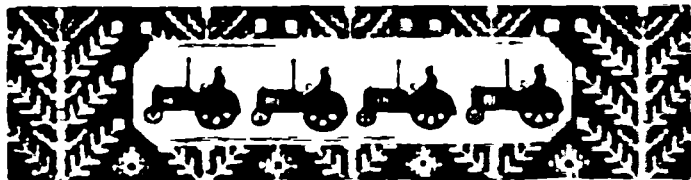
Некто Павел в Питер едет,
И в Олонец он шагает,
В Видлицы он попадает,
Прямо к Павловым идет он.
Баба Павла—у окошка.

„Гы иди-иди, Павлуша,
Не тужи, иди смелее,
Не печалься, не горюй ты,
Наша Маша умерла здесь,
Там, на берегу, зарыта“.
Павел звать попа собрался
И исправника искать шел.

48.

Как пришли из Петрограда
Сыновья кулацкие,
Го за все свои товары
Брали две цены они.
Бедноте ведь надо жить здесь,
Дорогое покупать.
Ах, пришло бы времечко,
Можно бы и отомстить.
Как пришли из Петрограда,
Так форсили по господски, -
И галоши на ногах,
И на шее галстуки

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1.

Во славном городе Петрограде
Николай-царь с трона сброшен,
Но буржуи посадили
Атаманом Керенского.
В это время из-за моря
Прилетел орел могучий.
Тем орлом был храбрый молодец,
Богатырь Владимир Ленин.
В город Питер прилетал он,
Не любил он власти царской,
Власть буржуев ненавидел.
Он к трудящимся спешил
И в дружину собирал всех,
Удалых, храбрых товарищей.
Говорил им речь такую он:
„Слушай, храбрая дружина!
Атамана того Керенского
Мы из Питера повыгоним,
Освободим народ мы весь
Из когтей буржуев-гадов.“

Власть мы новую поставим,
Власть советскую, народную,
Власть трудящегося люда!“
И пошел храбрец удалый,
Богатырь Ильич Владимир,
Вместе с храброю дружиной
Атамана того Керенского
За границу гнать к буржуям,
Дать ему урок хороший.
Власть он новую устроил,
Власть советскую, родную...
Восемнадцатый год грянул,
Отовсюду банды белых, —
И Колчак в той банде белых,
И Юденич, и Деникин —
Все хотели власть младую,
Уничтожить власть Советов.
Вот уж молодец наш храбрый,
Ильич Владимир-вождь могучий,
С верным Сталиным совместно
В армию народ сзывали,
Весь рабочий люд собирали.
Вот собрал он храбрых молодцев
И устроил совещаньице.
Так товарищу он молвил, —
Был удалый тот товарищ,
Богатырь Иосиф Сталин, —
И ему так Ленин молвил:
„Слушай, верный мой товарищ,
Богатырь Иосиф Сталин,
Вот проучим-ка врагов мы,
Дав удар им богатырский,
Отогнав с земли советской!“
Соколы те ленинские
Всех врагов своих сразили...
Сталина, вождя родного,

Ленин шлет в Царицын-город,
Проложить велит дорогу
К хлебу для рабочей массы
Славного Питера, Москвы всей.
Храбрую свою дружину
На Юденича послал он.
Бодро шла на фронт дружина,
Хоть и был силен Юденич,
Сильно войско неприятельское.
Точно травушку косили,
Так врагов косили, били.
Отогнав с земли советской,
Власть советскую крепили.
Шел и с юга неприятель —
Врангеля полки большие.
Ленин шлет свою дружину,
Шлет он храбрую дружину
Врангеля полки развеять.
Речь такую ей он молвит:
„Храбрая моя дружина!
Коль Юденича разбили, —
Врангеля теперь разбейте,
Отогнав с земли советской!“
И вот храбрая дружина
С Врангелем пошла сражаться,
Стала биться с белой бандой.
В это время подоспели тут
Храбры молодцы на помощь:
Сталин Иосиф Виссарионович,
Ворошилов Климентий Ефремович
Со своей дружиной храброю.
Был разбит тогда тот Врангель,
Выгнан был с земли советской,
Вечно помнить будет враг,
Мощь земли советской помнить.
Не топтать ему земли колхозной.

2.

Вот пришел к народу Ленин,
 Власть советскую он создал
 От буржуев власть он отнял,
 Передал он власть народу.
 Толстопузые ж буржуи
 Кулакам наказ давали:
 Сжечь все хлебные запасы,
 Заморить народ весь голодом,
 Чтобы власть вернуть обратно,
 Власть буржуев с кулаками.
 В городах не стало хлеба.
 В городах трудящиеся
 Рыбу удить собирались,
 В городской речушке удить.
 Рыб они поймать не могут,
 Мрут уж с голоду их дети.
 Вот со Сталиным наш Ленин
 Вместе думу думать стали,
 Как теперь нам жить и быть здесь,
 Как от голода спастись.
 Говорит вождю наш Сталин,
 Ленину вот так он молвит:
 „Кулаки царицынские
 Обжираются все хлебом,
 Хлеб они жируют-портят,
 Все мешки наполнив хлебом
 И амбары переполнив“.
 На царицынский фронт едет
 Сталин, вождь родной, за хлебом
 Для советских городов всех,
 Кулаки чтоб не сжигали
 Хлеб царицынский со злобы.
 Жеребца уж запрягают,
 Золотой взнуздав уздечкой,

Сбруей золотой покрывши,
Сани пестрые скрепляют
Медными копылочками.
Богатырь удалый русский,
Наш Василий малец-искра
И кузнец с земли Карельской
В путь со Сталиным собрались.
Им кулак идет навстречу,
И ломает он им сани.
Говорит кузнец карельский:
„Это нас не остановит,
Сделаем мы снова сани,
Сделаем мы крепче прежних,
Чтоб кулак не мог испортить,
Тех саней сломать не мог бы“.
Едут-едут, поспешают,
На царицынский фронт едут.
Говорит народ советский
Сталину, вождю родному:
„Не успели сжечь злодеи
Хлеб царицынский в амбарах“.
Отдает тот хлеб наш Сталин
Всем трудящимся советским...
И теперь спасибо скажем
Партии, правительству мы.
И пошлем мы благодарность
Сталину, вождю родному, —
Он прогнал буржуев, голод,
Отстоявши власть Советов,
И советскому народу
Жизнь счастливую устроил!

3.

Белофинские бандиты
В Видлицы уж наступали,
Коммунисты видлицкие

Собирались к церкви сельской,
За стенами каменными.
Белофинские бандиты
Церковь минами взрывали
И из пушек в них стреляли.
Мучали они партийцев,
Ямы рыть их заставляли,
На краю ям становили,
Но партийцы говорили:
„Эй, враги вы, палачи,
Вы стреляйте прямо в грудь,
Пусть падем, но власть Советов
Не сломить вам, палачам!
На родной земле здесь нашей
Зацветет Советов власть!“
Дорогой же вождь наш Сталин
Помогал карелам крепко:
Он матросов к нам, героев,
Посылал на миноносцах.
Миноносцы наступали,
Финский транспорт разрушали.
Толстопузые спешили,
На авто скорей садились.
Да не выехать далеко, —
На версте от Видлиц третьей
Стали в них стрелять матросы,
В белофинские машины, —
Тут машины разнесло все.
На дороге побросав все,
Враг без шапок убегает.
Так родной наш Сталин выгнал
Из Карелии бандитов.
И послал народ карельский
Сталину привет тогда.

4.

Жил-был раньше финский барин.
 На Олонец он собрался,
 В Тулоксе он задержался,
 В Видлицы он прямо въехал.
 Хочет он границу сдвинуть,
 Красных хочет перебить он,
 Море крови проливает,
 Мучает народ карельский.
 В бане финский барин дремлет,
 Входит офицер к буржую.
 Видит, пьян буржуй, как стелька,
 Офицер и говорит тут:
 „Слушай-ка ты, финский барин,
 Можешь спать теперь спокойно:
 Судно держит путь на берег, —
 Флаг на нем финляндский виден!“
 И тогда разделся барин,
 Спит, храпит себе спокойно,
 Рядом офицер вошедший
 Начал водку трескать-пить.
 Вот уже корабль тот прибыл,
 К берегу он подошел тут.
 Это был корабль советский,
 Финских бар он гнать тут начал.
 Выскочил финляндский барин,
 Нагишом бежать пустился,
 Брюки в бане позабыл он,
 И в лесу сам заблудился.

5.

Не беднеет дом в деревне,
 Ни Гавриловка-деревня,
 Хоть ее ходили грабить
 Из Финляндии бандиты.

Воевали те бандиты,
Партизан здесь убивали,
Но матросы к нам спешили
Вместе с Красной Армией.
И когда они пришли к нам,
В Видлицу, в Гавриловку,
У бандитов тех финляндских
В Видлицах штаны остались.

6.

Жили-были раньше люди,
Вдоволь горюшка видали,
При законах старых, царских,
Бедно жили здесь все люди.
При царе том, Николае,
На богатых все трудились.
Наша молодость здесь вяла,
Кулаки нас угнетали,—
Летом сутками косили,
Гривенник нам обещали.
Бедняки так с горем жили,
Гривенник им не платили,
Кулаки так говорили:
„Приходи, уплатим завтра!“
Восемнадцатый год грянул,
Стало слышно, как стреляют.
Мужики и говорят тут:
„Ведь из пушки там стреляют!“
На войне они узнали,
Как в бою стреляют пушки.
От народа весть приходит:
„Белыми взят Кангас-ярви!“
А из пушек все стреляют,
Наших красных убивают,
Чтоб границу передвинуть
И зажить на наших землях.

В Эссойлу пришли злодеи,
Мучает там красных белый,
К елям привязав спиною,
Босиком оставив красных,
Без одежды их оставив
Там, где ос и шмелей много, —
Чтобы жалили их осы.
Кровь из туловища каплет,
По ногам течет на землю.
Издевался Палосари:
„Войте, красные, кричите!“
На погост нагрянул белый,
Стал стрелять из пулемета.
Этот стрекот пулеметный
Слышен был за верст за двадцать.
Много крови белый пролил,
Убивал он много красных.
Вот пошел на город белый,
И тогда сказал так Ленин:
„Надо встретить белых гадов
И „подарочки“ послать им!“
Красные пошли навстречу
С грозными „подарочками“.
Город брать собрался белый,
Но не взял и Сулажгору:
Белый в бегство обратился,
Не успел и оглянуться!

7.

Уж пора и мне запеть здесь,
Ведь я знаю много песен.
Вот спою про „Вейнемейнен“,
Про купца из Тунгуды.
Закричал лже-Вейнемейнен
Сапосалминским купчинам:
„Бунтовать пора, купцы, нам,

Не хотим мы здесь остаться
Под бедняцкой властью красных!
И купцами Сапосалмы
Марк провозглашен „царем“ был,
Сняли френч с милиционера
И царя одели спешно.
„Царь“ тому милиционеру
Ребра все ломал, косточки,
Мучал, резал трое суток,
Наконец, убил его он.
Так в селе том Сапосалме
Собственный „царек“ явился
И пугал собой народ он,
Выносил всем приговоры.
Ночью в Ухту прибывали.
Был „царь“ Марк подлец коварный, -
Он велел своим бандитам
Красных бить из-за угла.
Вот уже спешат бандиты,
Керосином заливают
И дома все поджигают,
Батраков и красных жгут.
В Пистозеро шли они,
Но бежать пришлось бандитам, —
Не прошло двух месяцев,
Как уж красные пришли.
Вот „царю“ и „Вейнемейне“
Тут беда пришла к порогу.

8.

Вот спою-ка я здесь песню,
О своем спою походе.
Песенку спою о том я,
Как финляндские бандиты
К нам, в Карелию, ходили
Грабить наш карельский край,

Молодую власть разрушить, —
Власть советскую, младую,
Власть трудящегося люда,
Что отец наш Ленин ставил,
Наш учитель, вождь наш Ленин,
Ученик его, наш Сталин.
Командир был Антикайнен,
Он „гостей“ встречал достойно,
Угостил их в Кимас-ярви,
Дал он им урок хороший.
Вилки были тут стальные,
Медные тарелки были.
„Угощал“ их хорошенько,
Хорошо и провожал он.
У красноармейцев — вилки,
А у партизан — тарелки.
И тогда красноармейцы
Угощали всех бандитов,
Провожали за границу, —
Не забыть им угощение,
И теперь еще все помнят,
Как в Карелии гостили.
Коль в Карелии им будет
Погостить еще охота,
Так ведь вилки-то готовы,
А тарелки вычищены.
Если нос свой сунут свиньи,
Пограничники их встретят.

9.

Орел наш славный и могучий
Своею силой богатырскою,
Головой своею многоумною
Разгромил всех врагов лютых,
Паразитов да кровожадных;
Да от того ли гнета буржуазного

Дал нам вечное избавление,
Жизнь прекрасную, счастливую
Трудовому народу нашей родины,
Власть прекрасную да очень радостную.
Красуется страна да советская
Делами чудными да богатырскими.
Цветет Москва, столица-матушка,
Звездами яркими да пятиконечными;
Метро сделано да очень светлое,
Словно царство да подземельное,—
Поезда идут да скороходные,
В метро лестницы да очень дивные.
Летают птицы поднебесные,
Сидят на птицах герои славные,
Герои храбрые да удалые.
А кругом моря да широкие,
Теплоходы ходят да скороходные.
Честной народ сидит да удивляется.
Проделана чудная дорога вождя,
Мудрого вождя-учителя Сталина
Иосифа да свет Виссарионовича.
Моря с морями да соединяются,
От моря Белого и до Балтийского
Каналы широкие да приустроены,
От Москва-реки и до Каспийского
Шлюзы дивные да принаделаны,
Ходят судна да со товарами
И кораблики да военные.
А в деревне, да во колхозушках,
Нет у нас да межполосицев, —
Поля, как море, порасширились.
Осталась на отдых крива сошенька,
На полях гуляют кони черные,
Кони черные да волшебные;
А у тех коней огненных
Плуги сделаны да булатные.

На лугах ходят косилки стальные,
На полях жнут жнейки новые.
Колхозницы идут с работы с песнею.
И если же падет на нас туча грозная
И загремят нам громы громкие,
Встанем мы все до единого
За великое счастье за народное,
За жизнь прекрасную да счастливую
Своею силою могучею,
Да своею грудью да молодецкою.
Разгромим врага, да супротивника,
Не оставим паразитов ни единого.
Когда разгромим мы змеев лютых,
Всех акул да кровожадных, —
Будем жить в колхозах весело
Да работать по-стахановски,
Да запевать веселые песенки
Да про дела великие да богатырские,
Дела родного вождя да любимого,
Вождя мудрого Сталина-батюшки.
И за все творение да богатырское
Шлем привет от всех да благодарности
Сталину Иосифу да свет Виссарионовичу
И его верному товарищу
Соратнику да Ворошилову
Климентию да Ефремовичу,
И привет всей Красной Армии.

10.

Как во славные августовские дни
На холмистые сопки Хасана
Самураи-японцы валились,
Хотели грабить они нашу родину,
Нашу родину, землю советскую.
Пограничники, да славные герои,
Стали незваных гостей угощать.

Не страшились они самурайских пуль,
Не страшились снарядов вражеских.
С криком: „За Ленина, Сталина!“
С радостью шли они в бой.
И летчики, наши герои,
Отважно сражались в бою там,
Не страшились снарядов японских,
Снарядов японских, летящих,
Угощали гостей хорошенько
Да встречали их — еще лучше.
Груды трупов валились на сопки те,
Самураев, японских злодеев,
Самураев груды, захватчиков.
И за злодейское дело свое
Поплатились они кровью своей.
И высокие сопки Хасана
Стали могилой врага.
Остальные враги, сперепугу,
Со страхом бежали с советской земли,
А генералы японские,
Японские да самурайские,
Стали тогда мира просить
От наших советских военных вождей,
От военных вождей, да советских.
И помнят теперь самураи,
Как гостили на советской земле,
На советской земле у трудящихся.
И шлем мы теперь благодарность свою
Всем пограничникам, храбрым бойцам,
Героям советской страны.
И шлем мы большое спасибо
От трудящихся советских.
И на тех сопках Хасана
Сияет красное знамя,
Как красное солнце на небе,
Солнце на небе высоком.

И видно всему миру оно,
И слава героев гремит
По всему земному шару.
И если враги нападут,
Да если хотят нападать
На советскую счастливую землю,
Готовы мы все, как один,
За советскую родину стать,
За дело вождей дорогих,
За дело Ленина Сталина,
Да за верных соратников их,
За веселую счастливую жизнь.
Не бывать им больше
На земле советской,
Не топтать им больше
Наших колхозных полей.

11.

Трем охотникам однажды
Человек попал навстречу,
И охотники спросили:
„Чей такой, скажи, ты будешь?“
Человек им отвечает:
„Дед мой близко похоронен,
Вы мне родственники тоже;
Где-то здесь могила деда,
Там поставлен крест железный“.
Тут охотники смекают:
„Обмануть прохожий хочет:
Он прошел через границу
И наверное шпионит“.
Тут они все закричали
И прохожего забрали:
„Не родня ты вовсе наша,
Ты родня, быть может, волку:
Как вредят хозяйству волки,

Так и ты хотел бы сделать.
Ну-ка, где же дедов крестик?
Взяли крепко незнакомца:
„Куда следует, доставим“.
Повели его — да прямо
На советскую заставу.

12.

Как во матушку Москву,
В белокаменну Москву,
За высокие стены кремлевские,
В башни те наугольные
Слетались ясные соколы
Со всех краев советской родины.
Люди честные собирались
С головами многоумными
На восемнадцатый съезд партии,
Обсуждать да вопросы славные,
Вопросы славные да великие,
Дела великие — тезисы партии,
Партии Ленина — партии Сталина.
Вели там речи славные
О третьей пятилетке нашей.
Великий любимый наш вождь,
Сталин Иосиф Виссарионович,
С головою многоумною
Свой доклад докладывал,
Чтобы процветала советская родина,
Ярче зорьки красной утренней,
Чтобы поднималось выше
Знамя красное,
Чтоб сияла всему миру,
Как звезда на небе яркая,
Да во счастье нашей родины,
Чтоб враги все удивлялися,
Как цветет страна советская.

Со всех концов нашей родины
Шлем привет мы свой горячий
Восемнадцатому съезду партии
И дорогим вождям советским,
Дорогому любимому Сталину
И храброму герою Ворошилову.
Да здравствует великий вождь—
Сталин Иосиф Виссарионович!
Да здравствует маршал-герой—
Ворошилов Клим Ефремович!
Да здравствует стена железная —
Непобедимая храбрая Красная Армия!
Да здравствуют краснофлотцы,
Удалые храбрые молодцы,
Те морские птицы воздушные!

13.

Ой, заставушки вы богатырские,
Да удалые храбрые молодцы,
Герои славные советские,
Стойте вы на крепких на заставушках,
Охраняйте границы советские,
Границы водные и сухопутные,
Сухопутные и воздушные!
Стерегите врага лютого,
Чтоб не прошел он границу советскую,
Не напакостил бы нам да в ночку темную,
Не испортил бы нам дело славное,
Жизнь прекрасную, счастливую!
Когда завеют ветры буйные
И падет на нас туча темная,
Туча темная, очень грозная,
Загремят над нами громы громкие,—
Поднимемся мы все за единое,
За великое дело за народное,—
Все, от малого и до старого,

Своею силою могучею
Мы сломим врага-супротивника,
Мы ударим по-молодецкому,
Предадим его смерти лютойей.
Мы, былинщики-сказители,
Не сторонкой будем посматривать:
Мы, сказители, наперед пойдем,
Наперед пойдем, на силу-голову,
Со полками, с батальонами.
Полки будут с ружьями да с пулями,
А сказители с песнями да былинами.
Наши сказки, перегудки, побывальщины
Будут бить-разить врага-неприятеля
Метче пули, крепче сабли, штыка острого.
Когда разгромим мы змеев лютых,
Ни единого не оставим мы на семена,—
Будем жить мы, как сейчас живем,
Будем петь в колхозах песенки
И слагать былины мудрые
Все про нашу жизнь про колхозную,
Про родимую землю-матушку,
Про дела советские, богатырские,
Да про мудрого Сталина-батюшку.

14.

Бор гот, где кузнец родился,
Где он медный нож ковал,
Где пахал пожогу-поле,
Где леса росли густые, —
Города теперь там
Строятся большие.
Берег озера цветет там,
Где играл наш Вейнемейне,
И по озеру нес ветер
Голос песенный далече...

Берег чудный, чудный.
Берег бесконечный.
Волны в озере гуляют,
Там таится наше сампо.
Рыбы к берегу стремятся,
Звуки кантеле влекут их...
Озеро глубокое,
Озеро красивое.
Из берез отборных, лучших.
Кантеле у нас готовят,
Звуки кантеле родные
Никогда не умирают...
Кантеле звучит,
Радостно нам жить.
Реки здесь дают нам силу,
Чтоб светло и ночью было.
Вождь великий свое имя
Дал великому каналу...
Сквозь большие скалы
Путь становится короче
Нашей радости цветы здесь
Поднялись под ярким солнцем
И богатства кучу дали
Нашей родине прекрасной.
Бейся, сердце, бейся!
Радуйся же, сердце!
И когда война нагрянет,
Будем защищать мы сампо.
Победить врага мы сможем
И стрелять в него мы можем...
Не уступим сампо—
Сампо коммунизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

Условные сокращения

- А* — Архив научно-исслед. института культуры КФССР.
Б — *Vienan laanin runot*. I-II, 1908.
В — *Kalevalan tolsinnot*. I, 1888
Г — Труды КИПС Академии Наук СССР, том 16, 1930.
Д — *Lansl-Inkerin runot*, I-III, 1924.
Е — К. Krohn. *Kalevalan runojen historia*, 1903.
Ж — Живая Старина, 1893. вып. IV.

П Р О Л О Г

1. См. *Б. 683а*. Публикуется лишь зачин руны, записанной от А. Пертунен, жившего в дер. Ладвозеро, района Калевалы КФССР.
2. См. *Б. 200*. Руну, из которой взят этот зачин, записал Борениус от Трихво Варахвонтайнен в с. Ухта, района Калевалы, КФССР.
3. См. *А*. Руна исполнялась М. М. Хотеевой, жившей в с. Ухта, района Калевалы, КФССР.
4. См. *А*. Руну, публикуемую, за исключением нескольких стихов, полностью, записал Ф. Фомкин от К. Гауринен в с. Ухта, КФССР.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. См. *Б. 387*. Руна записана Ленротом в 1832 г. от Саввы Трохкмайнен в дер. Бабя губа, района Калевалы, КФССР.
2. См. *Б. 103*. Публикуется начало руны. Записал Карьялайнен в 1894 г. от Дарьи Петровны Чигоевой из дер. Юволакша, КФССР.
3. См. *В. 340*. Руну записал Борениус в 1871 г. от Хокка-Петри в дер. Сундозеро, района Калевалы, КФССР.
4. См. *Б. 417*. Запись Борениуса от Охво Хоманен на дер. Войницы, района Калевалы, КФССР. Произведена в 1872 году.
5. См. *Б. 814*. Дается отрывок из руны. Записал Ленрот в 1834 г. от Карьялайнен из дер. Лонкка, района Калевалы, КФССР.

6. См. Б. 260. Фрагмент приводится полностью. Записан Борениусом в 1877 г. от Хуотари Лукканен из дер. Понгалакша Ругозерского района, КФССР.

7. См. Б. 672. Руну записал Борениус в 1872 г. от В. Калашкайнен из дер. Хайкола, района Калевалы, КФССР.

8. См. Б. I, стр. 204. Фрагмент записан от неизвестного сказителя.

9. См. Б. 503. Фрагмент записан Ленротом в 1835 г. от неизвестного сказителя в с. Ухта, района Калевалы, КФССР.

10. См. А Руна записана в 1937 г. от Х. Елагиной в дер. Лусмавара, Ругозерского района, КФССР.

11. См. Г. стр. 95-96. Записал руны Г. Богданов в 1927 г. от Д. Лазаревой в с. Кямзозеро, Ругозерского района, КФССР.

12. См. Г. стр. 93-95. Записано Г. Богдачовым в 1927 г. от Д. Лазаревой в с. Кямзозеро, Ругозерского района, КФССР.

13. См. Б. 397. Руна, записанная Генецом в 1872 г. от М. Лесонен в дер. Койвуярви, района Калевалы, КФССР. Приводится сокращенно.

14. См. Б. 91. Отрывок взят из руны, записанной Борениусом в 1872 г. от В. Онтрейнен из дер. Войницы, района Калевалы, КФССР.

15. См. Б. 749. Руна дается в несколько сокращенном виде. Записал Ленрот в 1837 г. от неизвестного сказителя в дер. Костамукша, района Калевалы, КФССР.

16. См. Е. стр. 613. Публикуется отрывок руны неизвестного сказителя из дер. Суйстамо, Соргавальского района, КФССР. Записал Европеус в 1845 году.

17. См. Б. 130. Фрагмент записан Европеусом в 1846 г. в северной Карелии от неизвестного сказителя.

18. См. А. Фрагмент записан В. Евсеевым в 1936 г. от Е. Лебедева из дер. Энгенлахта, Пряжинского района, КФССР.

19. См. Б. 846. Руны записал Мерилайнен в 1888 г. от Ильи Улаева в с. Ухта, района Калевалы, КФССР.

20. См. Е. стр. 522. Начало руны. Записал Европеус в 1845 г. от Семена Сыссонен в дер. Мегриярви, восточной Финляндии.

21. См. В. 222. Дается отрывок руны, записанной Европеусом в 1845 г. от Семена Сыссонен из дер. Мегриярви, восточной Финляндии.

22. См. Б. 893. Руна записана Борениусом в 1877 г. от М. А. Пертунен в дер. Ладвозеро, района Калевалы, КФССР.

23. См. Б. 481. Руны записал Ленрот в 1837 г. от неизвестного сказителя из с. Вокнаволок, района Калевалы, КФССР.

24. См. Б. 72. Записал Ленрот в 1837 г. от неизвестного сказителя в с. Вожнаволок, района Калевалы, КФССР.

25. См. Б. 410. Дается сокращенно. Записал Борениус в 1872 г. от Хокка-Петри в дер. Сундозеро, района Калевалы, КФССР.

26. См. Б. 99. Взята заключительная часть руны, записанной Генецом в 1872 г. от Максима Мартышкайнен из дер. Лонкка, района Калевалы, КФССР.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

1. См. Б. 279. Руна записана в 1871 г. Борениусом от Лари Геппинен в с. Ухта, района Калевалы, КФССР.

2. См. Б. 807. Фрагмент дан целиком. Записал руну в 1872 г. Борениус от Ивана Юркинен в дер. Войницы, района Калевалы, КФССР.

3. См. А. Руна записана в 1937 г. от Е. Елагинной в с. Кимасозеро, Ругозерского района, КФССР.

4. См. Б. 908. Записал Борениус в 1872 г. от Максима Рийгойнен из дер. Келловара, Ругозерского района, КФССР.

5. См. Б. 54. Руна записана Ленротом в 1834 г. от Архипа Пертунен в дер. Ладвозеро, района Калевалы, КФССР.

6. См. Б. 362. Запись руны произведена Ленротом в 1834 г. от Архипа Пертунен в дер. Ладвозеро, района Калевалы, КФССР.

7. См. Б. 678. Записано Ленротом в 1834 г. от Архипа Пертунен в дер. Ладвозеро, района Калевалы, КФССР.

8. См. Б. 758. Публикуется отрывок руны Архипа Пертунен, записанной Ленротом в 1834 г. в дер. Ладвозеро, района Калевалы, КФССР.

9. См. В. 58. Запись произведена от М. Каспер из местечка Вяхен Эйни, прихода Асиккала, западной Финляндии.

II.

1. См. Б. 906. Руна записана Ленротом в 1834 г. от Теппинен в с. Ухта, района Калевалы, КФССР.

2. См. А. Записала руну О. Пергамент в 1937 г. от К. Ананиной в с. Кимасозеро, Ругозерского района, КФССР.

3. См. А. Руну записала О. Пергамент от К. Ананиной в 1937 г. в с. Кимасозеро, Ругозерского района, КФССР.

4. См. А. Запись этой руны К. Ананиной произведена, О. Пергамент в 1937 г. в с. Кимасозеро, Ругозерского района КФССР

5. См. Б. 624. Приводится заключительная часть руны. Записал Шегрен в 1825 г. от Петри Кевтунен из дер. Чена, района Калевалы, КФССР.

6. См. Б. 1009. Руна записана Борениусом в 1872 г. от Ивана Петринен в с. Ухта, района Калевалы, КФССР.

7. См. Б. 858. Записал руну Борениус в 1872 г. от Семена Михкалинен в дер. Келловара, Ругозерского района, КФССР.

8. См. А. Руна записана В. Евсеевым в 1936 г. от П. Афанасьева в с. Колатсельга, Ведлозерского района, КФССР.

9. См. Б. 694. Запись руны Маланьи Прокконен произведена в 1872 году в дер. Войницы, района Калевалы, КФССР и принадлежит Борениусу.

10. См. Б. 945. Руну записал Бернер в 1872 г. от Архипа Хилиппаинен в с. Ухта, района Калевалы, КФССР.

11. См. Б. 1007. Записана в 1894 году от Степана Мартышайнен в дер. Кольела, района Калевалы, КФССР.

12. См. Б. 983. Руна записана Генцом в 1871 г. от Мартти на из дер. Луомайрви, района Калевалы, КФССР.

13. См. Б. 995. Записано Генцом в 1872 г. от неизвестной сказительницы в дер. Нокеус, Ругозерского района, КФССР.

14. См. Б. 997. Руну записал Бернер в 1872 г. от Марфы Хяннинен в дер. Минозеро, района Калевалы, КФССР.

15. См. Б. 989. Записал Генец в 1872 г. от Василия Хяннинен в с. Ухта, района Калевалы, КФССР.

16. См. А. Руна записан Ф. Фомкиным в 1939 г. от А. С. Лесонен в с. Ухта, района Калевалы, КФССР.

III.

1. См. А. Руну записал В. Евсеев в 1936 г. от А. Блезгиевой из дер. Угмойла, Пряжинского района, КФССР.

2. См. А. Записано В. Евсеевым в 1936 г. от А. Семеновой в с. Вохтозеро, Петровского района, КФССР.

3. См. А. Записал В. Евсеев в 1936 г. от А. Семеновой в с. Вохтозеро, Петровского района, КФССР.

4. См. А. Руна записана в 1935 году В. Евсеевым от А. Днева из дер. Койвусельга, Ведлозерского района, КФССР.

5. См. А. Записал руны В. Евсеев в 1936 г. от Булдуевой из с. Вохтозеро, Петровского района, КФССР.

6. См. Ж, стр. 542-553 Руна записана Лесковым в 1893 г. от Е. Турв из дер. Парданиэми, Прижнинского района, КФССР.

7. См. Е стр. 307. Дается начало руны, записанной Алквисом от Семена Сыссонен в дер. Мегриярви, восточной Финляндии.

8. См. А. Записано В. Евсеевым в 1935 г. от Анисимовой в дер. Кукшегоры, Олонецкого района, КФССР

9. См. А. Фрагмент записан В. Евсеевым в 1935 г. от Ильи Савельева из дер. Кохтусельга, Ведлозерского района, КФССР.
10. См. А. Руну записал В. Евсеев в 1936 г. от Андреевой в с. Вешкелицы, Пряжинского района, КФССР.
11. См. А. Руна записана В. Евсеевым в 1935 г. от И. Федулиной в с. Лахта, Пряжинского района, КФССР.
12. См. А. Записал В. Евсеев в 1935 г. от И. Федулиной в с. Лахта, Пряжинского района, КФССР.
13. См. А. Записано В. Евсеевым в 1936 г. от А. Зайцевой в дер. Пиджуйла, Петровского района, КФССР.
14. См. А. Записал В. Евсеев в 1936 г. от П. Ивановой в с. Колатсельга, Ведлозерского района, КФССР.
15. См. А. Руна записана Ф. Фомкиным в 1939 г. от А. И. Антиповой в с. Ухта, района Калевалы, КФССР.
16. См. В. 127. Взята вся фрагментарная руна, записанная в 1887 году от М. Ф. Воткиной в с. Суйстамо, Сортавальского района, КФССР.
17. См. Б. 826а. Фрагмент дается полностью в записи от Еухко Хуотаринен, произведенной Бореннусом в 1872 г. в с. Ухта, района Калевалы, КФССР.
18. См. А. Руну записал В. Евсеев в 1934 г. от М. Панкратьевой из с. Юшкозеро, района Калевалы, КФССР.
19. См. Б. 204. Фрагмент записан Европеусом в 1846 г. от неизвестного скитателя в северной Карелии.
20. См. Б. 791. Публикуется отрывок руны. Записал Вореннус в 1871 г. от Ануфрия Лесонен в дер. Сундозеро, района Калевалы, КФССР.
21. См. Б. 33. Фрагмент дан полностью. Записал Европеус в 1845 г. от неизвестного сказителя из дер. Бабыя губа, района Калевалы, КФССР.
22. См. Б. 115. Руна записана Кастреном в 1839 г. от неизвестного сказителя из с. Ухта, района Калевалы, КФССР.
23. См. Б. 51. Записал Ленрот в 1833 г. в дер. Каменное озеро, района Калевалы, КФССР. Сказитель неизвестен.
24. См. Е. стр. 671. Записал Саксбёк от неизвестного сказителя в местечке Вуолее, северной части Ленинградской области.
25. См. А. Записано Ф. Фомкиным в 1939 г. от Е. И. Хемелайнен в с. Ухта, района Калевалы, КФССР.
26. См. Б. 93. Дается отрывок руны, записанной Бореннусом в 1872 г. от Еремея Юркинен из дер. Войницы, района Калевалы, КФССР.
27. См. В. 3. Публикуется весь фрагмент. Записал Борениус в 1877 г. от Семена Кюттинен в дер. Емельяновской, Ребольского района, КФССР.

28. См. *Б* 237. Взят отрывок руны, записанной Борениусом в 1871 г. от неизвестной сказительницы в с. Ухта, района Калевалы, КФССР.
29. См. *Б*. *I*. *стр.* 810 и *II*, *стр.* 100. Фрагменты этой руны записаны в 1877 г. от Варвары Ивановой из дер. Куйваярви. района Калевалы, КФССР.
30. См. *А*. Записал В. Евсеев в 1936 г. от Федоровой из дер. Чалкоселья, Пряжинского района, КФССР.
31. См. *Б*. *стр.* 437. Берется начало руны, записанной в 1888 г. от Степана Канаанайнен в дер. Конец-Ковдозеро, Кестеньгского района, КФССР.
32. См. *Б*. 92-93. Публикуются отрывки руны. Записал Борениус в 1872 г. от Еремея Юркинен из дер. Войницы, района Калевалы, КФССР.
33. См. *А*. Руну записал В. Евсеев в 1936 г. от С. Марковой в дер. Сяпчезеро, Петровского района, КФССР.
34. См. *А*. Руну записал В. Евсеев в 1936 г. от С. Марковой в дер. Сяпчезеро, Петровского района, КФССР.
35. См. *Б*. 693. Взят отрывок руны, записанной Борениусом в 1872 г. от Василия Онтрейнен в дер. Войницы, района Калевалы, КФССР.
36. См. *Б*. 52. Фрагмент дан полностью. Записан Ленротом в 1837 г. в дер. Каменное озеро, района Калевалы, КФССР. Сказитель неизвестен.
37. См. *В*. 324. Руна записана Ленротом в 1828 г. от Юхана Кайнулайнен в местечке Кесялахти, в Финляндии.
38. См. *А*. Приводятся отрывки исторической песни, записанной В. Евсеевым в 1935 г. от П. Сидорова из дер. Акимисго, Ведлозерского района, КФССР.
39. См. *А*. Историческую песню записал В. Евсеев в 1935 г. от П. Т. Прокопьева в дер. Сыссойла, Ведлозерского района, КФССР.
40. См. *А*. Записано в 1934 г. от И. Ремшв в с. Вокनावолок. района Калевалы, КФССР.
41. См. *Б*. 951. Публикуется начало руны, записанной Борениусом в 1872 г. от Охво Ерассимайнен в дер. Хеме, района Калевалы, КФССР.
42. См. *Б*. 1001. Руна записана Борениусом в 1872 г. от неизвестной сказительницы из дер. Вокनावолок, района Калевалы, КФССР.
43. См. *А*. Руну записал В. Евсеев в 1936 г. от ⁷Е. Терентьевой в дер. Олькойла, Петровского района, КФССР.
44. См. *А*. Записано в 1936 г. от М. М. Хотеевой в с. Ухта. района Калевалы, КФССР.

45. См. Д. Песня дается в сокращенном виде. Записана от неизвестного сказителя в западной Ингерманландии.

46. См. А. Записано в 1936 г. от М. М. Хотеевой в с. Ухта, района Калевалы, КФССР.

47. См. А. Записал В. Евсеев в 1835 г. от А. Васильевой в дер. Олькойла, Петровского района, КФССР.

48. См. А. Записано в 1934 г. от М. Ремшу в дер. Вокианолок, района Калевалы, КФССР.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1. См. А. Записано от Т. Туруева из с. Сельги, Сегозерского района, КФССР. Перевод самого сказителя.

2. См. А. Записал В. Евсеев в 1939 г. от А. Ф. Никифоровой из с. Вохтозеро, Петровского района, КФССР. Имеется вариант, записанный от сказительницы П. Иван вой.

3. См. А. Записано от Е. Гавриловой в с. Видлицы, Олонецкого района, КФССР.

4. См. А. Записала на фонограф С. Магид в 1937 г. от А. Ф. Никифоровой из с. Вохтозеро, Петровского района, КФССР.

5. См. А. Сложила Е. Гаврилова из с. Видлицы, Олонецкого района, КФССР.

6. См. А. Записала Юдина в 1938 г. от А. Ф. Никифоровой в с. Вохтозеро, Петровского района, КФССР.

7. См. А. Записала О. Пергамент в 1936 г. от М. М. Хотеевой в с. Ухта, района Калевалы, КФССР.

8. См. А. Сложил Т. Туруев из с. Сельги, Сегозерского района, КФССР.

9. См. А. Записано от Т. Туруева из с. Сельги, Сегозерского района, КФССР. Перевод самого сказителя.

10. См. А. Сложил Т. Туруев из с. Сельги, Сегозерского района, КФССР. Перевод самого сказителя.

11. См. А. Записала на фонограф С. Магид в 1937 г. от А. Ф. Никифоровой из с. Вохтозеро, Петровского района, КФССР. Имеется вариант, записанный от другой сказительницы.

12. См. А. Сложил Т. Туруев из с. Сельги, Сегозерского района, КФССР. Перевод с карельского сделан самим сказителем.

13. См. А. Записано от Т. Туруева из с. Сельги, Сегозерского района, КФССР. Перевод с карельского принадлежит самому сказителю.

14. См. журнал на карельском языке „Карелия“, № 8 за 1938 год. Произведение, написанное на карельском языке, принадлежит бывшему молодому сказителю, ныне поэту Исакову.

ИМЕНА, УПОМИНАЕМЫЕ В ЭПОСЕ

Агафья — девушка, увезенная в Швецию, мать Ивана.

Анни — сестра кузнеца Илмойллинена, мать Калевы.

Анникки — жена кузнеца Илмойллинена.

Антерво Вибуине — богатырь, сила которого, подобно силе древнегреческого Антея, заключена в земле, и к которому ходят за помощью Вейнемейне и Леммингяйне, сын Вибуинена; см. Вибуйне.

Антикайнеи — командир красного лыжного отряда, разгромившего штаб белофиннов в Кимасозере в январе 1922 года.

Ахти — соперник Вейнемейнена и Леммингяйнена; брат Калво и Вейтикки; товарищ Тъэры.

Васса — дочь Анни.

Вейтикка — брат Ахти.

Вейтикки — девушка в Пяйвеле, встречающая Леммингяйнена.

Вейшемейне — старый вековечный певец, играющий на кантеле, успевающий быть и рыбаком, и охотником, и пахарем, и кузнецом; в некоторых рунах — девушка, выданная замуж.

Вейне — сокращенное имя Вейнемейнена.

Вейнелэ — см. Вуоела.

Венари — парень, едущий рыбачить вместе с сыном Калевы.

Вибу Лииза — дочь Вибуинена; возлюбленная сына Калевы.

Вибуине Антерво — см. Антерво.

Видловцы — южнокарельское село.

Вирканнас — мясник, убивший большого быка.

Вуоела — община, куда направляется Леммингяйне и где появляются безымянные болезни.

Гавриил — брат Анни и Агафьи, едущий воевать против шведов.

Дарья — дочь царя Хидвида, сватаемая кузнецом Илмойллиненым.

Емь — финское племя, на земли которого ходили Ахти и Леммингяйне.

Иван в шведской неволе родившийся сын Агафьи: брат Анни.

Иван Калева — пахарь, которого хотел извести король.

Иван Лаппалайне — противник Вейнемейнена.

Иван-царь — „наш хозяин“ — русский царь, видимо Иван Грозный.

Илмойллине — вековечный кузнец, бывший одновременно и пахарем, и рыбаком, и охотником.

Ноукахайне — брат кузнеца Илмойллинена и Вейнемейнена.

Кавко — брат Ахти и Вейтикка.

Калева — противник Вейнемейнена; см. Иван Калева.

Калеванне — см. предыдущее.

Кангасозеро — пограничная южнокарельская деревня.

Карл — шведский король, с которым воюет царь Петр при штурме Выборга.

Катерина, Катя — осмеянная Леммингяйненом девушка, к которой сватался кузнец Илмойллине.

Кпмасозеро — село в северной Карелии.

Куйттозеро — озеро в северной Карелии.

Куллерво — сын Калевы, пастух.

Кюллякки — жена Ахти.

Ладвозеро — село в северной Карелии.

Лаппалайне — противник Вейнемейнена; см. Иван Лаппалайне.

Лекса — местность в Карелии, посещаемая Куллерво, сыном Калевы.

Лемпо — злой дух, злое существо.

Лемменлахти — местность в земле карело финских богатырей.

Леммингяйне — сын Вибуйнена, бывший и рыбаком, и охотником, и пахарем.

Лиза — дочь Вибуйне, возлюбленная сына Калевы.

Лось — земля к северу от исторической Карелии.

Луодола — остров, на который направляется Леммингяйне.

Люстикки — мастер, изготавливающий лыжи.

Мана — подземный мир, посещаемый Вейнемейненом.

Манала — то же, что и Мана.

Марина Ойюнгайне — женщина, заковывающая кузнеца Илмойллине в цепи.

Марья — дочь царя Хидвида, сватаемая кузнецом Илмойллиненым.

Матвей Лаврентьевич — хозяин Выборга.

Мауру Мангингойне — свадьбовод сына Похьелайнена.

Меччала — местность в Карелии, где родился сын Калевы,

провозглашены и пламенным вождем вопреки желанию Вейнемейнена.

Нъара — отец Тъэры.

Ойюнгайне — см. Марина Ойюнгайне.

Олонед — село южной Карелии.

Оривести — местность в Финляндии.

Осмори — человек, изготавливающий пиво.

Осмотр — см. предыдущее.

Наллайне — мясник, зарезавший большого быка.

Пелойне — рулевой в лодке сына Калевы.

Петр — парень, гребущий в одной лодке с сыном Калевы русский царь, изготавливающий, подобно Вейнемейнену, лодку и штурмовавший крепость Выборг.

Нимендола — второе имя Похьелы.

Похьела — местность, куда ездят Вейнемейнс, Илмойллине, Леммингяйне.

Похьелайне — хозяйка Похьелы; хозяин Похьелы.

Похья — сокращенное название Похьелы.

Пюхаярри — озеро в Финляндии.

Пиивелэ — община, куда ездят Леммингяйне пить пиво.

Саво — областное название восточной Финляндии.

Саксонские проливы — проливы, куда ездят удить рыбу, охотиться и воевать Вейнемейне и Куллерво, сын Калевы.

Саносалма — село в северной Карелии.

Сирая — второе имя Похьелы.

Сермакса — местность около устья реки Свири.

Сланникки — второе имя девушки Анникки.

Сувадо — местность исторической Карелии на западном берегу Ладоги.

Сувадолайне — второе имя Вейнемейне.

Суоми — Финляндия.

Сюетар — злая хозяйка пастуха, сына Калевы.

Таониола другое имя Похьелы.

Тариалйне — приятель Леммингяйнена.

Торнео — город в северной Финляндии.

Тулокса — село в южной Карелии.

Туонела — то же, что и Манала.

Туони — дева, хозяйка, хозяин Туонелы.

Тъэра — приятель Вейнемейнена и Ахти.

Улмолайне — см. Похьелайне.

Умандолайне — другое имя Вейнемейнена.

Ундамо — сокращенное от Ундамойне.

Ундамоль — то же, что и Вейнелэ.

Ухтамоние — брат кузнеца.

Хаттула — местечко в Финляндии.

Хаухо — местность в Финляндии.

Хидвид — царь, к дочери которого едет свататься кузнец Илмойллине.

Хийси — старуха, на дочери которой женится кузнец Илмойллине.

Хиттойла — община, в некоторых случаях идентичная с Похьелой.

Хиттолайне — хозяин Хиттойлы.

Хяменлинна — город в юго западной Финляндии.

Шуньга — село в Занежье, являвшееся местом ярмарки новгородцев, карел и лопарей (саамов).

Эссойла — село в южной Карелии.

Юттахи — злые духи.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Ботало — длинный шест, которым запускают сети и загоняют в них рыбу.

Кабу — девственница, дева.

Кантеле — карельский музыкальный инструмент.

Карбас — большая рыбацкая лодка.

Кокоры — дуги, скрепляющие лодку.

Конылки, конылы — колышки, скрепляющие полозья с верхней частью саней.

Марка — денежная единица, с которой приходилось иметь дело и карелам, и новгородцам.

Пал — поле-пожога.

Поезд — свадебная процессия на запряженных лошадях.

Пожога — лесная расчистка после выжигания.

Сампо — сказочная мельница, дающая людям муку и соль и приносящая им счастье.

Стапель — причал, помост для лодки или судна на пристани.

Стреха — верхний край крыши, кровли.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Карело-финские руны (статья)	III
Пролог	1
Часть первая	3
Часть вторая	28
I	28
II	31
III	32
Часть третья	151
Примечания	170
Имена, упоминаемые в эпосе	177
Пояснительный словарь	181